

нагорѣвшая свѣтъ
путь свѣчку, или
вынетъ этой свѣчки
въ самомъ жалкомъ
и вообще въ нашихъ
похвалиться своимъ
можно отнести отро
роду, особенно въ
одить по городу.

ГЛАВА V.

Мало-знаменка. Эгсъ-Становой. Древности. Знаменка. Мамайсурга. Нравы и обы-
чай. Старообрядцы. Винодѣліе. Масляница. Крестьянъ Голубовъ и его процессъ.
Имянія Штиглица. Старикъ Хвостенко и его рассказы. Большая Ляпатиха. Панскіе
Клиры. Заводовка. Горностаевка. Софиевка. Клиры. Старикъ. Каховка. Ярмарка.
Корсунскій монастырь. Козачьи лагеря.

Слѣдуя по лѣвому берегу Днѣпра, мы остановились на селеніи Мало-знаменкѣ, какъ называютъ официально, въ народѣ же именуемомъ Каменкой. Оно раскинулось по берегу Конки, почти у впаденія послѣдней въ Днѣпръ и немного наискось противъ Никополя, который на крутой горѣ, и въ особенности издали, представляется порядочнымъ городкомъ. Каменка считается важнымъ пунктомъ, потому что здѣсь значительная лѣсная торговля, въ которой однакоже главную роль играетъ екатеринославскій купецъ Ловягинъ, извѣстный читателямъ изъ прежнихъ моихъ описаній. Здѣсь лѣсъ продается значительно уже дороже, нежели въ Благовѣщенскѣ и Александровскѣ, а вокругъ разбросаны огромныя селенія, жителямъ которыхъ необходимъ лѣсной матеріалъ какъ для построекъ, такъ и вообще для разныхъ хозяйственныхъ потребностей. Лѣсныя пристани расположены по нагорному берегу Конки и большими ярусами бревень и досокъ свидѣтельствуютъ о значительномъ потребленіи этого товара, хотя лѣсоторговцы единодушно жалуется на застою торговли. Впрочемъ я давно уже пересталъ вѣрить жалобамъ въ этомъ родѣ, оттого что привыкъ видѣть на дѣлѣ совершенно противное. Пытался я было собрать числовыя данныя относительно каменской лѣсной торговли, но долженъ былъ на первыхъ же порахъ отказать отъ своего желанія, встрѣтивъ въ торговцахъ какой-то ужасъ при моихъ вопросахъ, и изъ полиціи получивъ тѣ свѣдѣнія, которыя она сообщаетъ своему начальству, — свѣдѣнія, нисколько не выражающія дѣйствительнаго оборота. Какой ни-

будь любознательный новороссійскій статистикъ не преминетъ сообщить публикѣ цифры, собранныя чрезъ полицію и выведетъ весьма почтенныя разсужденія, а потому я и не принимаю грѣха на свою душу.

Населеніе Каменки относится къ концу прошлаго столѣтія и состоитъ, за исключеньемъ нѣсколькихъ малорусскихъ семействъ, изъ великоруссовъ—какой губерніи не могъ я добиться, потому что нашъ крестьянинъ вообще не знаетъ ни своей генеалогіи ни, исторіи. «Баюютъ, что изъ подъ Чернаго лѣса» вотъ и всѣ свѣдѣнія. Это значитъ изъ Херсонской губерніи, гдѣ есть и Черный лѣсъ и великорусскія деревни. Впрочемъ каменцы всѣ православныя, хотя, какъ говорятъ, они не весьма давно оставили старыя обряды. Надобно имъ однакоже отдать справедливость: церковь у нихъ не только хорошо украшена, но для деревни даже великолѣпно. О живописи я не скажу ни слова, потому что не только въ деревняхъ, но и въ городахъ она у насъ почти одинакова. Стараніемъ священника, который немало хлопоталъ и объ украшеніи церкви, составляется порядочная пѣвческая изъ школьниковъ, находящихся также подъ непосредственнымъ его начальствомъ, и въ этомъ случаѣ каменцамъ могутъ позавидовать другія деревни, гдѣ на клирасѣ всю обѣдню поетъ одинъ лишь дьячекъ, иногда престарѣлый и лишенный голоса.

Въ Каменкѣ проживаетъ достаточно вольныхъ матросовъ, которые нигдѣ не подвергаются такому сильному притѣсненію какъ здѣсь, не смотря на повсюдную нетерпимость обществъ къ ихъ сословію. Если можно сдѣлать какую нибудь несправедливость вольнымъ матросамъ;—она сдѣлана если есть уловка отказать въ самой законной просьбѣ—навѣрно будетъ отказано; наконецъ были примѣры, что мѣстныя власти требовали отъ вольныхъ матросовъ обратнаго перехода въ сословіе крестьянъ государственныхъ имуществъ. Покрайней мѣрѣ изъ тѣхъ жалобъ, какія удавалось мнѣ выслушивать отъ вольныхъ матросовъ по всему Днѣпру, нигдѣ не видѣлъ я такого произвола въ отношеніи къ нимъ какъ въ Каменкѣ. Въ этомъ можно удостовѣриться: стоитъ только обратить на ихъ жалобы вниманіе, не то начальниче вниманіе, оканчивающееся или ничѣмъ или переговорами съ чиновничествомъ другихъ вѣдомствъ; но вниманіе порядочнаго человѣка, обязаннаго помочь бѣдствующимъ и бѣдствующимъ несправедливо.

Здѣсь жилъ, и я еще засталъ его—одинъ знаменитый господинъ, равнаго которому трудно отыскать въ губерніи—это бывший становой приставъ Б..... Замѣчательно онъ не тѣмъ, что изъ ничего сдѣлалъ большое состояніе—мы видимъ, что многіе какъ-то умѣютъ ловко пріобрѣтать на службѣ,—но изумительно храбростью своею, съ которою онъ совершалъ такіа дѣла, изъ которыхъ каждое, взятое на выдержку, въ состояніи было бы подвести подъ судъ кого угодно. И говорить нечего, что этотъ господинъ, живя въ торговомъ селѣ, умѣлъ обдѣлывать свои дѣлишки; но онъ преимущественно занимался ловлею по всему стану воровъ вообще и конокрадовъ въ особенности. Эти промышленники при всей изворотливости и тонкости не могли ускользнуть отъ бдительнаго становаго пристава, который грозою носился съ одного края своихъ владѣній до другаго и внезапно появлялся тамъ, гдѣ менѣе всего его ожидали. Поиманные воры непременно подвергались заключенію въ становой квартирѣ, и чѣмъ важнѣе былъ преступникъ, тѣмъ богаче жители наряжались для его караула. И тутъ-то предстояла обильная жатва ловкому администратору: караульные приносили дань за избавленіе отъ непріятной обязанности, а воры само-собою, на извѣстныхъ условіяхъ, откупались отъ наказанія. Приставъ пріобрѣлъ между послѣдними такую популярность, что каждый изъ нихъ, если уже приходилось ловиться, считалъ особеннымъ счастьемъ попасться именно ему, а не другому чиновнику. Становой даже оказывалъ экспертамъ особое довѣріе: если у иныхъ оказывалась сумма, далеко недостаточною для удовлетворенія справедливаго требованія начальства,—приставъ отпускалъ ихъ на слово и, говорятъ, рѣдко бывалъ обманутъ. Онъ долго что-то благоденствовалъ, съ тѣмъ вмѣстѣ пользуясь репутаціею исправнаго чиновника, пока наконецъ не пришло время поплатиться за излишнее усердіе въ пользу своего кармана. Въ окрестности появился и началъ сильно пошаливать извѣстный воръ и грабитель Дремлюга. Извѣстенъ онъ конечно не вездѣ, благодаря любви нашей къ молчанію, но тѣмъ не менѣе Дремлюгу боялись во всѣхъ степныхъ уѣздахъ Таврической и отчасти въ Екатеринославской губерніяхъ. Не знаю уже какъ угораздило его попасться становому Б....., который впрочемъ, я сказалъ уже, былъ необыкновенно искусенъ въ поимкахъ подозрительныхъ людей всякаго рода. Засадил Дремлюгу подъ крѣпкій карауль, при-

ставъ даже заковалъ его..... но послѣ облегчилъ—и въ одну прекрасную ночь разбойникъ скрылся. Извѣстность ли Дремлюги, какъ чловѣка, производившаго значительные грабежи, молва ли о его богатствахъ, затаенныя ли какія мысли были причиною—не знаю, но только послѣ этого подвига становой отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду. Хоть онъ умѣлъ подвергнуть отвѣтственности караульщиковъ, однако носятя слухи, что его собственное участие въ побѣгѣ Дремлюги не подлежитъ никакому сомнѣнію. Теперь этотъ господинъ живетъ себѣ домкомъ, разводитъ рогатый скотъ и ведетъ, какъ говорятъ, значительную торговлю хлѣбомъ, употребляя для этой операціи жидковъ и между тѣмъ надувая ихъ самымъ нецеремоннымъ образомъ. Одинъ изъ послѣднихъ, сочтя меня за важное лицо, подалъ мнѣ прошеніе на эксъ-становаго, объ утайкѣ господиномъ Б.... кажется двухъ тысячъ рублей серебромъ, которые слѣдовали ему по условію. Опытные люди говорятъ, что судъ надъ становымъ можетъ тянуться очень долго, чему уже бывали неоднократные примѣры, особенно если подсудимый мастеръ писать отвѣты, подкрѣпляя ихъ достаточными доказательствами.

Веретахъ въ двухъ отъ деревни, какъ разъ при впаденіи Конки въ Днѣпръ, существуетъ казенная переправа, содержащая крымскимъ солянымъ правленіемъ—на одномъ изъ важныхъ чумацкихъ трактовъ. Она называется никопольской переправой, но смотритель живетъ на таврическомъ берегу, гдѣ устроены также наплавной мостъ чрезъ Конку и сохраняются разные припасы. Объ этой переправѣ можно бы поговорить подробнѣе, но какъ она по слухамъ должна отойти въ частныя руки и тѣмъ болѣе какъ она въ дѣйствіяхъ своихъ очень сходна съ бериславской, то я считаю за лучшее обойти ее молчаніемъ.

Отъ переправы къ деревнѣ и вправо до потока, чрезъ который устроены мостъ по дорогѣ въ Знаменку, вереты на двѣ квадратныхъ тянется песчаное поле, покрытое холмами, измѣняющими свою форму при сильныхъ вѣтрахъ, которые взметаютъ песокъ и распоряжаются имъ по своей необузданной волѣ. На всемъ этомъ пространствѣ виднѣются кучи битаго черепья красной глины, разбросанныя кости и попадаются стрѣлы или лучше сказать металлическіе наконечники, которыми вооружались стрѣлы. Объ этихъ засыпанныхъ развалинахъ идутъ разные толкъ, доказывающіе однакожъ, что ученые несогласны между собою

ихъ происхожденіе, что ибудь павно, и я зпоселенцевъ, была въ кони что и теперіи принятые мношиновъ), не которые торчгородаща. Но людей, тамъ на которомъ канавы, очень вости потому, у нея были нчилось упасть можности, и зони, не смотрспустивши ногеще на мѣстѣи веты и облодавно было на которыхъ частдругая попалакто передѣлалучшими и рѣЖители Камдани и разводСудоходствомъ небольшое, да поселенне имѣютъ въ самомъ фарвлучшими судами даящія однако-то у насъ судонесна въ младаобыкновенно путбелковечное числ

о ихъ происхожденіи, а по неизмѣнно даннымъ трудно сказать чтонибудь положительное. Жители здѣсь поселены весьма недавно, и я знаю одного старика, пришедшаго въ числѣ первыхъ поселенцевъ, который очень хорошо помнитъ мѣстность какъ она была въ концѣ прошлаго столѣтія. Песчаное поле было тоже что и теперь и никакихъ строеній на немъ не было; но обломки, принятые мною за черепья битой посуды (преимущественно кувшиновъ), не что иное какъ украшенія или балясы заборовъ, которые торчали еще обрывками въ разныхъ мѣстахъ стараго городища. Но по словамъ того же старика и другихъ пожилыхъ людей, тамъ замѣтны еще были слѣды мостовыхъ, а протокъ, на которомъ теперь мостъ,—былъ обдѣланъ камнемъ въ формѣ канавы, очень глубокой. Канаву эту старики помнятъ въ особенности потому, что за нее доставалось имъ отъ родителей. Бока у нея были необыкновенно круты, такъ что если-бы кому случилось упасть, то уже вылѣзть не представлялось никакой возможности, и за игру мальчишекъ возлѣ канавы наказывали, а они, не смотря на строгія мѣры, любили сидѣть на берегу, спустивши ноги въ канаву. Послѣ сильныхъ вѣтровъ и теперь еще на мѣстѣ городища попадаются иногда мѣдныя и золотыя монеты и обломки золотыхъ украшеній. Но, говорятъ, не такъ давно было найдено множество монетъ и дорогихъ вещей, изъ которыхъ часть досталась прежнему смотрителю переправы, а другая попала въ руки эксъ-становаго пристава, который золото передѣлалъ на разныя разности. Достоверно только, что лучшими и рѣдкими экземплярами не воспользовалась наука.

Жители Каменки съ нѣкоторыхъ поръ начали заниматься садами и разводить съ успѣхомъ отличныя фруктовыя деревья. Судходствомъ не занимаются совсѣмъ, а рыболовство у нихъ небольшое, да и то лучшія ловли отданы на откупъ. Нѣкоторые поселяне имѣютъ на Днѣпрѣ пловучія мельницы и ставятъ ихъ на самомъ фарватерѣ, отчего бывають столкновенія съ плывущими судами и возникаютъ жалобы судовладельцевъ, невозбуждающія однако-же ничьего вниманія. Вообще надобно замѣтить, что у насъ судходная полиція, я говорю о Днѣпрѣ, находится весьма въ младенческомъ состояніи. Дѣломъ этимъ завѣдуетъ обыкновенно путейскій офицеръ, дистанція котораго тянется на безконечное число верстъ; кое-гдѣ живетъ на берегу унтеръ-офи-

церь изъ евреевъ, и я предоставляю вамъ судить каковъ долженъ быть вообще успѣхъ по этой части.

Верстахъ въ семи, за Бѣлозерскимъ лиманомъ, лежитъ огромное селеніе Знаменка, растянувшаяся на нѣсколько верстъ по излучистому нагорному берегу Конки, которая снова вышла изъ Днѣпра у оконечности песчаного поля и извивается въ плавняхъ. Селеніе все въ садахъ, особенно покрыта богатою растительностью отдѣльная почти возвышенность, называемая Мамай-сурка. Объ этой горѣ и Бѣлозерскомъ лиманѣ носится въ народѣ весьма смутное преданіе, подробностей котораго напрасно я добивался и у Знаменцевъ и у окрестныхъ жителей. Преданія, какъ бы нелѣпы ни были, всегда имѣютъ какое нибудь основаніе; несмотря на самую волшебную завязку, было же что нибудь, внушившее разсказъ, переходящій въ далекія поколѣнія. Нынѣшніе знаменцы недавніе пришельцы и имъ сообщили преданіе, какъ говорятъ, жители Никополя, преимущественно Запорожцы, а между тѣмъ мы имѣемъ свѣдѣнія отъ челоуѣка, близко знавшаго Запорожцевъ, который разсказываетъ о немъ иначе (*). Недалеко отъ широкаго озера, называемаго лиманомъ, жила когда-то княжна Бѣлозерка, разумѣется неописанной красоты, о которой молва далеко носилась по свѣту. Въ числѣ по-

(*) . . . . По оной рѣкѣ Бѣлозеркѣ, былъ славный старинный городъ, именуемый Бѣлозерка-жь, который былъ построенъ отъ древняго народа франговъ, которые въ то время тутъ жили; а потомъ оный народъ вышелъ въ нѣмецкую землю. А по нихъ тамо имѣлася въ томъ городѣ владѣтельница прозываемая Бѣлозерская, и имѣла тутъ малое владѣніе. А какъ татарскій ханъ Мамай шелъ на Россію съ войною, то она владѣтельница отъ страху Мамаева, оставила тотъ свой городъ и поселилась внизу Днѣпра по очаковской сторонѣ, о которомъ ниже упомянуто будетъ, а Мамай пришедъ оный городъ разорилъ. На оной же рѣчкѣ въ 736 г., отъ Россіянъ былъ построенъ ретраншаментъ съ редутами.» (Исторія о козакахъ Запорожскихъ, сочиненная отъ инженерной команды, изд. одес. об. ист. и др. 62).

Книжонка эта издана въ 1852 г. Авторъ ея инженеръ-подпоручикъ князь Иванъ Семеновичъ Мышецкій, находившійся въ Сѣчѣ съ 1736 по 1740 г. По моему мнѣнію она не заслуживаетъ относительно древностей никакого вниманія, потому что свѣдѣнія, сообщаемыя ею не только не вѣрны, но и перепутаны. Читатель помнитъ что говорилось недавно о городѣ Бѣлозерскѣ, построенномъ франками (генузцами, какъ замѣчаетъ г. Н. М. въ примѣчаніи 83), а страницу назадъ въ параграфѣ 7 говорится: По оной же конской рѣкѣ, у самаго Днѣпра, имѣлся издревле городъ Самысь, гдѣ была прежнихъ татарскихъ владѣльцевъ столица, и въ ономъ городѣ имѣлось 700 мечетей.» Это все одна и та мѣстность, о которой говорю и я при описаніи Каменки.

Клюшниковъ е
скомъ и став
ство его не
овладѣть кня
лушекъ. Зна
Но и здѣсь
не между д
лѣна, отпра
ности и обѣ
черь. Счастл
пирь своей
шла на кор
пру оверзъ,
Мамай увид
и слѣдъ про
перь еще сл
княжна-крас
и одна балк
Бѣлозерки,
женки зовет
кургановъ,
но, исключ
возникшій и
безъ вниман
динова упо
резовкой. Я
можетъ служ
Знаменка,
одними стар
русовъ, как
и расколы.
случаѣ выст
нѣйшихъ пр
должно сказ
берніи есть
Воронки, Чу
сбываются
леніе велико
даже проѣха

кловниковъ ея былъ какой-то царь Мамай, пришедшій съ войскомъ и ставшій на высотѣ близъ нынѣшней Знаменки. Пекательство его не имѣло успѣха, и получивъ отказъ, онъ задумалъ овладѣть княжною съ боя и началъ стрѣлять по ея городу изъ пушекъ. Значить, дѣло происходило послѣ изобрѣтенія пороха. Но и здѣсь еще одно недоразумѣнье: слишкомъ велико разстояніе между двумя мѣстностями. Хитрая княжна, желая избѣжать плѣна, отправила къ Мамаю посольство съ изъявленіемъ покорности и обѣщаніемъ выйти за него замужъ. Это было подъ вечеръ. Счастливый Мамай, упоенный сладкими надеждами, задалъ пирь своей арміи. А княжна, покровительствуемая ночью, посадила на корабли свое войско, подняла паруса и ушла по Двѣпру *вверхъ*, какъ говорить преданіе, такъ что когда по утру Мамай увидѣлъ свою оплошность и послалъ погоню, то княжны и слѣдъ простылъ. Нѣкоторые прибавляютъ, что городище и теперь еще служить притономъ нечистой силы. Здѣсь ли жила княжна-красавица или нѣтъ, но лиманъ называется Бѣлозерскимъ, и одна балка, впадающая въ него съ сѣвера, тоже носить имя Бѣлозерки, а значительная возвышенность у южнаго конца Знаменки зовется Мамайсуркой. На послѣдней насыпано нѣсколько кургановъ, но никакихъ слѣдовъ укрѣпленія или жилья незамѣтно, исключая впадины, гдѣ былъ старообрядческій монастырь, возникшій и упраздненный въ недавнее время. Нельзя пропустить безъ вниманія одного обстоятельства: на превосходной картѣ Родіонова упомянутый лиманъ названъ *Березовскимъ* и балка *Березовкой*. Явно что это ошибка, которая однакоже въ послѣдствіи можетъ служить источникомъ заблужденій.

Знаменка, въ которой считается около 3000 жит., населена одними старообрядцами, за исключеніемъ сотни семействъ малорусовъ, какъ извѣстно никогда не впадавшихъ ни въ какія ереси и расколы. Не помню гдѣ я читалъ, «что малорусы въ этомъ случаѣ выставляютъ себя несправедливо, ибо одинъ изъ важнѣйшихъ притоновъ раскола Черниговская губернія». На это должно сказать, что хотя и дѣйствительно въ Черниговской губерніи есть старообрядческія села: Еленка, Добрянка, Лужки, Воронки, Чуровичи, Клинцы и др. и что между старообрядцами скрываются раскольники разныхъ толковъ, однако все это населеніе *великорусское*, въ чемъ невѣрующіе и могутъ убѣдиться, даже проѣхавъ мимоходомъ на почтовыхъ. Послѣдній способъ

этнографическихъ замѣтокъ у насъ какъ-то въ ходу и до сихъ поръ критика была къ нему довольно снисходительна.

Знаменцы принадлежатъ къ числу старообрядцевъ, называемыхъ единовѣрцами. Можетъ быть для читателей, незнакомыхъ съ этимъ обстоятельствомъ, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о предметѣ, * о которомъ хоть и есть специальныя сочиненія, однако врядъ ли прочтены многими эти книги. Вообще у насъ о разныхъ сектахъ существуетъ самое смутное понятіе, и мы привыкли называть раскольниками всѣхъ безъ изъятія людей, держащихся старыхъ обрядовъ. Въ тѣсномъ смыслѣ, конечно, всякое отклоненіе отъ прямого пути, есть не что иное какъ расколъ, но отклоненія эти у насъ чрезвычайно разнообразны, и слово расколъ имѣетъ свое особое значеніе. Не буду входить въ историческія причины заблужденій, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстныхъ, но замѣчу только, что заблудшіе братья наши, раздѣляются на два большіе отдѣла: поповщина и безпоповщина. Къ первому отдѣлу принадлежатъ старообрядцы, признающіе и чтущіе церковныя уставы, только по древнимъ неисправленнымъ книгамъ, а второй подраздѣляется на множество сектъ, исчисленіе и подробное описаніе которыхъ, было бы здѣсь неумѣстнымъ. Старообрядцы, называемые старовѣрами, или, какъ говоритъ народъ, сталовѣрами, составляютъ единовѣрческіе приходы, неподчиняемые нашимъ благочиннымъ, но подвѣдомственные мѣстному епархіальному начальству. Единовѣрцы ходятъ въ церковь, украшенную иконами стараго письма, снабженную старопечатными книгами, и имѣютъ своихъ особыхъ священниковъ, рукоположенныхъ нашими архіереями. Единовѣрчество это возникло въ недавнее время. Старообрядцы долго не соглашались, да многіе и теперь не соглашаются принимать священниковъ, полагая, что со временъ патріарха Никона православіе на Руси поколебалось. Поэтому старовѣры въ прежнее время (а нѣкоторые и доселѣ) старались доставать священниковъ изъ-заграницы, на томъ основаніи, что тамъ сохранилась вѣра въ томъ видѣ какъ она завѣщана отцами церкви. Но значительная часть старообрядцевъ принимаютъ священниковъ, воспитывавшихся въ нашихъ семинаріяхъ,—съ однимъ условіемъ, что послѣдніе служатъ по древнимъ книгамъ и исполняютъ всѣ обряды по старопечатному уставу; при этомъ онъ долженъ одѣваться въ старинныя ризы и соблюдать носовыя напѣвы.

Въ домашнемъ быту старообрядецъ не отличается ничѣмъ отъ православнаго,—кромѣ того, что у него иконы древняго письма, непремѣнно на деревѣ, и что куреніе или нюханіе табаку онъ считаетъ страшнымъ грѣхомъ—служеніемъ антихристу. Знаменцы поступили въ число единовѣрцевъ, и хоть межъ ними есть замѣчательные старики, которые не ходятъ въ церковь, но ихъ чрезвычайно мало, и они не только не имѣютъ послѣдователей, а сами уничтожаются мало по малу. Время оказало уже свое благотворное дѣйствіе, чему много способствовала терпимость начальства, конечно вслѣдствіе инициативы высшаго правительства. Покойный преосвященный Инокентій понималъ это дѣло какъ слѣдовало просвѣщенному и современному человѣку, и его кроткое правленіе принесло уже свои плоды въ знаменскомъ единовѣрческомъ обществѣ. Духъ насилія и нетерпимости, подъ вліяніемъ произвола чиновниковъ, не только не способствуетъ къ постепенному обращенію заблудшихъ, а напротивъ дѣлаетъ зло неисправимымъ, по крайней мѣрѣ на весьма долгое время. Обращеніе же силою и уничтоженіе часовень—не ведетъ ни къ чему: старообрядцы не ходятъ въ храмъ и остаются все таки съ прежними убѣжденіями. Я наблюдалъ въ Знаменкѣ за единовѣрцами и нашелъ уже въ нихъ нѣкоторыя значительныя перемѣны. Пзвѣстно, что употребленіе табаку у старовѣровъ считается чуть ли не самымъ ужаснымъ грѣхомъ, даже едва ли не сильнѣе нарушенія поста,—однимъ словомъ, оскверненіемъ въ высшей степени. А между тѣмъ въ Знаменкѣ молодежь преспокойно курить папиросы, разумѣется тайкомъ отъ родителей; но что интереснѣе—есть сами старики страстные нюхальщики, которые однако же остерагаются другъ дружку и гдѣ нибудь въ уединеніи набиваютъ свои носы этимъ сатанинскимъ зельемъ. Конечно употребленіе табаку — обстоятельство само по себѣ ничтожное, но въ примѣненіи къ старообрядцамъ оно имѣетъ важное значеніе. Священники изъ молодыхъ стараются по возможности сблизать свою паству съ здоровыми понятіями, и знаменскіе старообрядцы нѣкоторымъ образомъ уступаютъ благоразумнымъ внушеніямъ. Во время моего послѣдняго пребыванія въ Знаменкѣ квартировалъ полкъ. Солдатамъ нужно было говѣть, и полковой священникъ служилъ въ единовѣрческой церкви, пользуясь даже коечѣмъ изъ утвари. Это уже значительный шагъ впередъ. Мнѣ кажется, что если бы и прежде слѣдовали системѣ терпимости,

сближеніе сдѣлалось бы болѣе доступнымъ. Вся разница въ нѣкоторыхъ неточныхъ выраженіяхъ, въ нѣсколькихъ обрядахъ, — и вотъ доказательство какъ недействительны строгія мѣры. Отъ преслѣдованія произошли самые вредные расколы; но предѣлъ статьи не дозволяетъ распространяться объ этомъ предметѣ.

Знаменскіе жители преимущественно земледѣльцы, но многіе уже разводятъ прекрасныя сады, какихъ, смѣло можно сказать, нѣтъ нигдѣ на Днѣпрѣ, даже въ мѣстахъ, одаренныхъ болѣе удобною почвою. Начало этого полезнаго дѣла положено семействомъ Поляковыхъ. Одинъ изъ нихъ ѣздилъ въ Крымъ и Бессарабію учиться уходу за виноградомъ, и благодаря его дѣятельности и доброму примѣру — теперь въ Знаменкѣ разведены прекрасныя виноградники. У бр. Поляковыхъ превосходныя сады, и я пробовалъ вино, котораго готовится около тысячи ведеръ въ годъ. Конечно вино это низкаго качества, но заслуживало бы во всякомъ случаѣ похвалы и поощренія. Между тѣмъ мѣстный откупщикъ употреблялъ всевозможныя продѣлки, чтобы помѣшать развитію новой промышленности и хлопоталъ о запрещеніи продажи знаменскаго вина, мѣшающей операциі откупа. Поляковы приуныли было, зная могущество этого учрежденія; нѣкоторое время не смѣли продавать вина, но не смотря на всѣ усилія и ходатайство откупщика, никто не рѣшился дѣйствовать прямо противъ положительнаго закона. Все виноградное вино, выдѣлываемое въ Знаменкѣ, распивается на мѣстѣ, и поселане находятъ его не только вкуснымъ, но и забирательнымъ. Виноградъ сбывается также на большомъ пространствѣ вмѣстѣ съ прочими фруктами: грушами, яблоками, абрикосами и вишнями. Изъ послѣднихъ славится такъ называемая *золотная вишня*, цѣна которой доходитъ иногда до 5 р. с. за пудъ. Плоды собираются вверхъ: въ Никополѣ, Екатеринославлѣ, Кременчугѣ, иногда и дальше, а внизъ водою: въ Бериславѣ и Херсонѣ. Вообще садоводство даетъ хорошія выгоды хозяевамъ, которые кромѣ того оставляютъ много плодовъ для собственнаго потребленія, въ особенности сушатъ для зимы груши и сливы. Ежегодно подъ сады занимаютъ большія новыя пространства, и есть надежда, что лѣтъ чрезъ десять вся Знаменка покроется виноградниками и фруктовыми деревьями. И теперь уже это селеніе тонетъ въ зелени, а въ апрѣлѣ, когда цвѣтутъ сады,

представляет
никогда не
легаютъ почт
Знаменцы
ваются въ
труды и пон
дуть въ кор
попирковыя ш
обращевъ сч
лей. Старовѣ
рмло. Молоде
пть пѣсни,
солдатскихъ
заемы въ бар
знаменцевъ пр
пьянствѣ въ п
пить въ свое
ночи въ воск
шумное катань
съ бубенчиками
дилось видѣть
грази, во врем
и такъ называе
чается или въ
кѣ, хотя и эти
На тройкахъ
частую тѣ и др
и ухитряясь ще
гой десертъ ру
лѣтъ, запряженно
ныхъ дѣвушекъ
вой пѣснью, и п
нику съ твердым
такомъ случаѣ пр
и съ обѣихъ сто
молетныя, — съ
двѣя, хотя и нед
тишки верхами, и
шеса съ одного к

представляет необыкновенно живописный уголокъ, но уголокъ, никогда не посѣщаемый проѣзжими, потому что здѣсь не пролегаетъ почтовая дорога.

Знаменцы сохраняютъ обычаи великорусскіе. Женщины одѣваются въ ситцевыя платья и сарафаны, подпоясываются на груди и покрываютъ головы цвѣтными платочками. Многія ходятъ въ короткихъ рубашкахъ. Мужчины носятъ кафтаны и поярковыя шляпы, и взрослые не брѣютъ бороды, что у старообрядцевъ считается также въ числѣ необходимыхъ добродѣтелей. Старовѣры и до сихъ поръ малоруса называютъ *скобленое рыло*. Молодежь по праздникамъ и вечерамъ собирается вмѣстѣ пѣть пѣсни, въ числѣ которыхъ попадаетъ много хорошихъ солдатскихъ и даже въ исковерканномъ видѣ романсы, распѣваемые въ барскихъ дѣвичьихъ и лакейскихъ. На масляницѣ у знаменцевъ проявляется чисто русская натура: я не говорю о пьянствѣ въ послѣдніе дни масляницы, — и малорусы умѣютъ выпить въ свое удовольствіе, но, начиная съ четверга и до полуночи въ воскресенье по улицамъ знаменки происходитъ самое шумное катанье. Здѣсь несутся и дѣйствительно удалыя тройки съ бубенчиками, и пары, и одноконки. Мнѣ однакоже не приходилось видѣть катанья въ саняхъ, а все это разъѣзжало по грязи, во время страшной распутицы, на колесахъ. Попадались и такъ называемые ряженые, но въ Знаменкѣ маскарадъ заключается или въ вывороченномъ туплѣ, или въ соломенной шапкѣ, хотя и эти костюмы возбуждаютъ шумный крикъ одобренія. На тройкахъ катаются молодые парни, иногда дѣвушки, а зачастую тѣ и другіе съ веселыми пѣснями, размахивая платками и ухитряясь щелкать подсолнечниковыя сѣмячки — этотъ не дорогой десертъ русскаго человѣка. Случается также, что въ телѣгѣ, запряженной одной лошадыю, сидятъ душъ двѣнадцать нарядныхъ дѣвушекъ съ красными довольными физіономіями, съ звонкой пѣснью, и плетясь по неволѣ шагомъ, провожаютъ масляницу съ твердымъ убѣжденіемъ, что онѣ тоже катаются. Въ такомъ случаѣ проносящіеся на тройкахъ парни, подшучиваютъ — и съ обѣихъ сторонъ сыпятся остроты, съ бойкихъ троекъ мимолетныя, — съ одноконки продолжительныя и часто довольно ѣдкія, хотя и недостигающія цѣли. Но интереснѣе всего ребятишки верхами, иной разъ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, несущіеся съ одного конца улицы до другаго, а большая улица въ

Знаменкѣ не менѣе двухъ верстѣ длиною. Иногда они строятъ что-то въ родѣ взводовъ, и съ гикомъ и крикомъ летать стремглавъ, угощая кляченокъ плетью, ногами, поводьями, догоняя телѣги или давая встрѣчнымъ дорогу. Только дряхлые старики и старухи не принимаютъ участія во всеобщемъ увеселеніи, но и тѣ, завернувшись въ шубы и не рѣдко держа на рукахъ внучатъ, сидятъ на заваленкахъ и ведутъ между собою рѣчь, вѣроятно о давнопрошедшемъ.

Мнѣ привелось провести въ этомъ году масляницу въ Знаменкѣ, и меня забавляло это неугомонное непрерывное движеніе, которое, если не могло мнѣ доставить удовольствія, по крайней мѣрѣ разнообразило зимнюю мертвенную тишину деревни. Квартира у меня была порядочная, и несмотря, что я стоялъ у одного изъ старообрядческихъ аристократовъ, несмотря, что передній весь уголь украшенъ былъ старовѣрческими иконами, передъ которыми постоянно теплились лампы, хозяева мои склонялись нѣкоторымъ образомъ къ прогрессу. Одна стѣна украшена была чисто свѣтскими изображеніями, представляющими сцены эротическаго содержанія, воспроизведенныя дешевыми московскими литографіями; а пониже висѣлъ цѣлый рядъ модныхъ парижскихъ картинокъ, обдѣланныхъ какимъ нибудь аматеромъ въ бумажныя рамки. На комодѣ лежали: красивое изданіе Земная жизнь Іисуса Христа, с. преосвященнаго Инокентія, одинъ № Библіотеки для чтенія 1847 г. и новѣйшій пѣсенникъ. Признаюсь, мнѣ стало немножко совѣстно, когда я разложилъ свои вещи по пріѣздѣ и хозяйка вошла въ мою комнату, и совѣстно потому, что я раскрылъ ящики съ сигарами, которыя отсырѣли въ дурную погоду въ дорогѣ. Хотя конечно я имѣлъ въ виду курить, однако взглядъ, брошенный хозяйкой на сигары, заставилъ меня покраснѣть, какъ случалось краснѣть, когда бывало инспекторъ нашъ открывалъ присутствіе табаку въ студенческой квартирѣ. Хозяйка моя оказалась однакоже особой нѣсколько эманципированной и обратила преимущественно вниманіе на книги, занимавшія весь диванъ, который выложилъ я изъ чемодана съ цѣлью отыскать какое то необходимое изданіе.

- А что, батюшка, чай книги-то у тебя все басурманскія?
- Есть грѣхъ, хозяйюшка, возишь и басурманскія.
- Такъ. Чтожъ въ нихъ пользы-то? Аль наши онѣ-

(*) Въ Новороссіи эти
по отсутствію ели, мѣ-
детахъ съимъ флажки,
заключеніе.

мчались, офра
что они не сту
— Языкъ-то
нашему.

— Такъ зач

— Нельзя

— Такъ.

— Вѣдь не

быту покупаете

— Вѣстимо

— Какой же

— Что и го

— Грѣшенъ,

— То-то. Не

вздо и о душѣ

дми и не дохи

видимъ, да сил

И старуха, в

вышла изъ-ком

старовѣровъ, ил

столкновеніе съ

Орловской губер

военной службѣ.

года, пришелъ

дождикъ и я, п

курить въ ожидан

уная, бросилась

крестя и обдувая

образа въ изступ

го зелья.

Въ Знаменкѣ н

время, трудолюби

нѣбжныхъ качес

при случаѣ навѣд

мечились, офранцузились? вѣдь я видала господъ, такъ знаю, что они не ступятъ, чтобъ не ломать языка.

— Языкъ-то ломать ломаютъ, а книги у насъ пишутся по нашему.

— Такъ зачѣмъ же тебѣ иностранныя?

— Нельзя и безъ нихъ.

— Такъ.

— Вѣдь не все же у насъ свое; примѣромъ и въ вашемъ быту покупаете же что нибудь заморское.

— Вѣстимо покупаемъ за грѣхи наши.

— Какой же тутъ грѣхъ! все сотворено намъ на пользу.

— Что и говорить. А табачище куришь, соколикъ?

— Грѣшень, хозяйюшка.

— То-то. Не кури хоть въ переднемъ углу. Постъ находить, надо и о душѣ подумать. У насъ тоже завелось между молодыми и не дохнетъ иной молокососъ безъ сигарки.... Мы все видимъ, да сила солому ломить,—не то нонѣ время.

И старуха, взявъ съ комода нѣсколько чашекъ, съ поклономъ вышла изъ комнаты. Исключительное ли положеніе здѣшнихъ старовѣровъ, или дѣйствительно время начало брать свое, но столкновеніе съ знаменской хозяйкой не то, какое было у меня въ Орловской губерніи много лѣтъ назадъ, когда еще я служилъ въ военной службѣ. Помню, какъ послѣ долгаго томительнаго перелома, пришелъ я въ одну большую деревню. Меня вымочилъ дождикъ и я, перемѣнивъ платье и бѣлье, усѣлся на лавкѣ покурить въ ожиданіи обѣда. Хозяйка вбѣжала ко мнѣ какъ полоумная, бросилась къ переднему углу и начала срывать иконы, крестя и обдувая ихъ, съ проклятiями на антихриста, и вынесла образа въ изступленіи, пожелавъ мнѣ задохнуться отъ сатанинскаго зелья.

Въ Знаменкѣ народъ, сколько могъ я замѣтить въ разное время, трудолюбивый, и пьянство не состоитъ въ числѣ его неизбѣжныхъ качествъ. Кто и говорить, поселянинъ не прочь при случаѣ навѣдаться подъ значекъ (*), но на это есть свое

(*) Въ Новороссiи этимъ можно замѣнить извѣстное выраженіе «подъ елку». По отсутствію ели, мѣстные откушники надъ питейными домами вывѣшиваютъ на шестахъ бѣлый флажокъ, который издали указываетъ любителю увеселительное заведеніе.

время. Изъ разговоровъ съ простолюдинами я вывелъ однакоже заключеніе, что они недовольны сельскимъ и волостнымъ начальствомъ. Въ какой мѣрѣ это справедливо—не знаю, но если всѣ въ одинъ голосъ выражаютъ неудовольствіе, мнѣ кажется, здѣсь не должно быть сомнѣнія въ какихъ нибудь весьма уважительныхъ причинахъ. Знакомые мои много мнѣ рассказывали о затаенныхъ прогонахъ, которые слѣдовали жителямъ за подводы, взятые для надобностей военного времени. Говорятъ, что деньги эти высланы для раздачи жителямъ, но гдѣ и зачѣмъ они остановились, почему не достигли своего назначенія—объ этомъ развѣдывать я не имѣлъ ни времени, ни возможности. Любопытное есть лицо въ Знаменкѣ—крестьянинъ Никита Голубовъ, не собственно какъ личность чѣмъ нибудь замѣчательная—онъ умный расторопный мужикъ, какихъ много—но интересенъ собственно по своему процессу съ купцомъ Агарковымъ. Купецъ этотъ самовольно отнялъ у него 75 штукъ овецъ, кажется въ 1841 году, и несмотря на всѣ улики и свидѣтельства, дѣло до сихъ поръ не приведено къ окончанію. Для любопытныхъ прилагаю свѣдѣнія кому подавалъ Голубовъ прошенія:

1842 апрѣля 7, начальнику днѣпровскаго округа.

1842 мая 22, ему же.

1842 декабря 17, въ таврическую палату госуд. имуществъ.

1845 февраля 25, таврическому гражданскому губернатору.

1845 августа 15, ему же.

1845 января 12, ему же.

1845 января 12, мелитопольскому уѣздному стряпчему.

1846 февраля 3, мелитопольскому земскому суду.

1847 февраля 12, таврическому губер. прокурору.

1850 марта 23, ему же.

1852 марта 1, ему же.

1854 мая 6, ему же.

1858 февраля 13, таврическому гражд. губернатору.

1859 января 15, ему же.

Не правда ли, случай весьма назидательный, свидѣтельствующій о состояніи нашей юстиціи, особенно въ неизвѣстныхъ миру захолустьяхъ. Какъ ни говорите о недостаточности жалованья нашихъ чиновниковъ, о несовершенствѣ законовъ, а подобныя дѣла, какъ Никиты Голубова—и имъ нѣсть числа—свидѣтельствуютъ о вопіющихъ злоупотребленіяхъ, о неменѣе вопіющемъ равнодушіи

къ пользамъ
въ приложе
строгой отв
вильно, ост
если послѣд
наказать е
дѣло 17 лѣт
къ нему раз
жаркіе защи
основаніи м
предъ ихъ д
купца Агар
но мнѣ хотѣ
всѣ прошенія
слѣдуетъ дл
не только по
видимому, н
Здѣсь главно
фактъ, совер
слышишь гро
Но пора в
настырь, от
не уничтожен
отсюда прево
широкіе разм
группами тѣн
различаетъ на
— два мѣста
мною въ Мор
Конкой и мин
барона Штигль
ду: Карайдуби
деревня называ
нымъ казенны
степи на чума
одна отъ друго
повтореній, я с
во время путе
берега, говори

къ ползамъ ближняго, и наконецъ о печальномъ сознаниі, что въ приложеніи законовъ существуетъ произволь, неподверженный строгой отвѣтственности. Если Агарковъ завладѣлъ овцами правильно, оставить ихъ въ его владѣніи и обвинить Голубова; если послѣдній правъ, заставить Агаркова возвратить овцы и наказать его за самоуправство. Но какимъ же образомъ тянуть дѣло 17 лѣтъ, упражняясь въ многосложной перипискѣ, подшивая къ нему разные отзывы, подводя статьи законовъ? Пусть самые жаркіе защитники нашей юстиціи скажутъ мнѣ только: на какомъ основаніи можно вести столь долго подобное дѣло, и я смирюсь предъ ихъ доводами. Я не адвокатъ Голубова, совершенно не знаю купца Агаркова, не знаю даже кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ; но мнѣ хотѣлось бы разяснить хоть для себя: какимъ образомъ всѣ прошенія Голубова, приняты, помѣченныя, переданныя куда слѣдуетъ для зависящаго распоряженія, не могли до сихъ поръ не только подвинуть дѣло къ окончанію, а даже не возбудили, по видимому, никакого дѣйствія со стороны блюстителей правосудія. Здѣсь главное не личность того или другаго изъ тяжущихся, но фактъ, совершаемый въ наше время, когда отъ всѣхъ только и слышишь громкія слова: истина, добросовѣтность, честность и т. п.

Но пора въ дорогу. За селеніемъ на Мамайсуркѣ стоялъ монастырь, отъ котораго остались едва замѣтные слѣды; но онъ не уничтоженъ, а только переведенъ ниже къ Алешкамъ. Видъ отсюда превосходный. Здѣсь плавни принимаютъ необыкновенно широкіе размѣры, я полагаю не менѣе двадцати верстъ, и подъ группами тѣнистыхъ деревьевъ, перерѣзанныхъ протоками, взоръ различаетъ на противоположномъ берегу Покровское и Капуловку — два мѣста, памятные въ исторіи Запорожья и описанныя мною въ Морскомъ Сборникѣ 1858. Слѣдуя по берегу надъ Конкой и миновавъ Знаменскую межу, вы вступаете на земли барона Штиглица, которому принадлежать четыре деревни сряду: Карайдубинь, Ушкалка, Бабино и Рогачикъ. Послѣдняя эта деревня называется Панскій Рогачикъ, для различія съ огромнымъ казеннымъ селомъ того же имени, расположеннымъ въ степи на чумацкой дорогѣ. Четыре эти деревни не отличаются одна отъ другой ничѣмъ особеннымъ и потому во избѣжаніе повтореній, я скажу о нихъ вообще, что удалось мнѣ замѣтить во время путешествія. Я уже прежде, при описаніи праваго берега, говорилъ довольно подробно о состояніи крестьянъ

барона Штиглица, и здѣсь придется сказать тоже самое, а именно, что нѣтъ ничего утѣшительнѣе какъ жить въ деревняхъ этого помѣщика, гдѣ на людей всегда смотрѣли и смотрять какъ на людей, и гдѣ души уважаются какъ человѣческія христіанскія души. Живуть они вообще хорошо, можетъ быть даже лучше иныхъ казенныхъ, въ особенности тѣхъ, на чью долю выпадаютъ не слишкомъ чистыя личности окружныхъ начальниковъ. Пролетаріевъ, кажется, нѣтъ, ибо у барона Штиглица человѣку, обѣднѣвшему по какому нибудь несчастному случаю, оказывается помощь разными способами. У барона главное вниманіе обращено на овцеводство, хотя и хлѣбопашество въ довольно большомъ размѣрѣ. Нѣкоторые изъ жителей, слѣдуя примѣру знаменцевъ, начали разводить виноградъ, который растетъ успѣшно и обѣщаетъ новый источникъ доходовъ. Днѣпръ подходитъ здѣсь близко къ Бабиной и Ушкалкѣ; кромѣ того течетъ Конка, соединяясь съ Рогачицкимъ лиманомъ и кромѣ того въ плавнѣ множество озеръ и протоковъ. Рыбы много, и хотя экономія отдаетъ главныя мѣста, однако жители могутъ ловить для своего потребленія, чѣмъ они и пользуются, имѣя для всѣхъ постовъ необходимое подспорье. Противъ Карайдубина лежитъ островъ того же названія, принадлежащій Никоплю, гдѣ устроенъ очень хорошій рыбный заводъ, содержимый на откупъ никопольскимъ купцомъ Захарченкомъ. Немного пониже Днѣпръ круто поворачиваетъ вправо къ западу и идетъ къ херсонскому берегу, къ деревнѣ Гирламъ, образуя если не прямой, то не очень тупой уголъ, что и составляетъ такъ называемое *Кривое Колѣно*, столь страшное для судоходовъ, особенно въ малую воду. При самомъ лучшемъ попутномъ вѣтрѣ, верховомъ или низовомъ, дойдя до Криваго Колѣна, судно спускаетъ паруса и бросаетъ якорь, потому что лавировать нѣтъ никакой возможности, да и нельзя воспользоваться хоть частью вѣтра, ибо по берегамъ растутъ большія деревья. Случается, что на Кривомъ Колѣнѣ суда простаиваютъ недѣлю и болѣе. Тянуться бичевою не было обыкновенія, при томъ же весьма еще недавно приступлено къ очисткѣ бичевника по распоряженію путейскаго вѣдомства, и я не знаю прорублены ли деревья и въ настоящее время. У праваго берега Днѣпра, при крутомъ поворотѣ постоянно образуются мели. Пароходамъ вообще по этой рѣкѣ необходимо имѣть опытныхъ лоцмановъ — иначе могутъ

случаться не
 чрезвычайно
 на его словамъ
 какъ онъ бы
 морастъ. Вир
 юти, какъ
 того, чтобы
 рики, Кузьма
 яномъ этомъ
 тѣхъ убѣждені
 дая это убѣд
 тѣхъ большим
 тѣреный въ
 нѣ. По мало
 ческими отвѣ
 стии мнѣ уда
 лка, нравов
 нѣ былъ сви
 простымъ людом
 или. Хвостен
 дя меня весьм
 сѣхъ этихъ цѣ
 сн, все равн
 снва необычно
 тскія народ
 Ешуловкѣ, ко
 жли выросла,
 ичили притѣсн
 ма Запорожце
 пршасенныхъ де
 то просто живи
 нлѣднихъ сѣч
 обыкновенныхъ р
 направле
 пріобрѣтенія ден
 съ разборомъ, пр
 дѣлалъ непремѣн
 да лоцмануисты, ост
 ннуть своего суш

случаться непріятныя исторіи. Въ деревнѣ Бабиной живетъ чрезвычайно интересный старикъ Кузьма Хвостенко, которому, по его словамъ, болѣе 90 лѣтъ, и дѣйствительно событія, какихъ онъ былъ очевидцемъ, подтверждаютъ его преклонный возрастъ. Впрочемъ Кузьма еще бодръ, ходитъ довольно прямо, хотя, какъ признается, не можетъ уже пройти версты безъ того, чтобы не при сѣсть для отдыха. Какъ всѣглубокіе старики, Кузьма очень богомоленъ, часто посѣщаетъ Рогачикъ (въ одномъ этомъ селѣ есть только церковь) и смотря на жизнь съ тѣмъ убѣжденіемъ, что не сегодня, завтра долженъ ее покинуть. Зная это убѣжденіе и искреннюю религіозность старика, я съ тѣмъ большимъ вниманіемъ прислушивался къ его рассказамъ, увѣренный въ совершенной правдивости сообщенныхъ имъ фактовъ. По малорусскому обычаю, сперва онъ отдѣлывался лаконическими отвѣтами, дышавшими недовѣрчивостью; но въ послѣдствіи мнѣ удалось заслужить расположеніе Кузьмы знаніемъ языка, нравовъ и обычаевъ, знаніемъ по исторіи того, чему онъ былъ свидѣтелемъ, а главное простотою въ обращеніи съ простымъ людомъ, что конечно передано было ему моими хозяевами. Хвостенко сдѣлался разговорчивъ, и его рассказы были для меня весьма любопытны. Жалѣю, что нельзя передать бесѣды этихъ цѣликомъ, такъ какъ онѣ выливались по малорусски, все равно—придется прилагать переводъ; а у старика слова необыкновенно своеобразны и нерѣдко попадаютъ энергическія народныя выраженія. Хвостенко съ отцемъ жилъ въ Капуловкѣ, которая тотчасъ по уничтоженіи Сѣчи какъ изъ земли выросла, и даже добре было сперва жить, но послѣ паны начали притѣснять народъ. Тогда еще по краю много *вешталось* Запорожцевъ, кто существовалъ *изъ копѣйки*, т. е. изъ припасенныхъ денегъ, кто сидѣлъ, по старому, зимовникомъ, а кто просто жилъ на счетъ ближняго. Но разбой или грабежъ послѣднихъ сѣчевиковъ нельзя было подвести подъ уровень обыкновенныхъ разбоевъ, потому что въ немъ таились начала особаго направленія. Подобный лугарь не жилъ собственно для пріобрѣтенія денегъ какимъ бы то ни было образомъ, но грабилъ съ разборомъ, преимущественно богатыхъ, да евреевъ, а бѣднымъ удѣлялъ непремѣнно, смотря по возможности. Это были особаго рода коммунисты, остававшіеся вѣрными своему принцу до послѣднихъ минутъ своего существованія. Воспитанный на преданіяхъ матери—

Съчи, первымъ закономъ которой была ненависть къ жиду и ляху, дугарь, при вѣтрѣчѣ съ этими національностями, не задумавшись, нападалъ на нихъ, убивалъ безъ пощады и обдиралъ до нитки, позволяя себѣ и жестокость и дикія издѣвки и все, что могло только пригнати въ голову необузданному и звѣрскому самоуправству. Кушца изъ русскихъ грабилъ просто, дѣйствуя угрозами, и въ крайнихъ только случаяхъ, при сопротивленіи, употребляя оружіе. Съ болѣе же простыми дорожными онъ бывалъ енисходителенъ: возьметъ хлѣба или другихъ съѣстныхъ припасовъ, у чумаковъ наберетъ рыбы, соли, потребуеъ немного денегъ и разопьетъ баклагу водки. Кузьма Хвостенко былъ уже *погоничемъ* (*), когда отецъ его задумалъ переселиться изъ помѣщичьяго села на вольныя земли и отправился въ Каменку, описанную въ началѣ этой статьи. Дѣло было осенью (вѣроятн опослѣ Юрьева дня, когда крестьяне могли оставлять владѣльцевъ). Въ Каменкѣ старику не посчастливилось. Приближалась зима, крова для семьи никакого не было, и отецъ Хвостенка, прослышавъ, что въ Ушкалкѣ стояла пустая землянка, рѣшился оставить тамъ семейство, а самъ собрался удариться на развѣдки, ниже, въ Козачьи агери. Дѣйствительно въ Ушкалкѣ нашлась хорошая землянка, оставленная какимъ то крестьяниномъ, перешедшимъ на вольныя земли, гдѣ старый Хвостенко, оставивъ жену и дѣтей, поѣхалъ въ Козачьи Лагери записаться въ тамошнее общество. Последнее обстоятельство не представляло никакихъ затрудненій, и счастливый отецъ семейства радостно спѣшилъ къ своимъ въ Ушкалку, гдѣ ожидала его однакожъ не весьма утѣшительная доля. Экономія князя Вяземскаго арестовала всю его *худобу* (собственно имѣніе, но иногда скоть, и именно въ этомъ случаѣ надо принять послѣднее значеніе). Экономія держала *худобу* Хвостенка *около шести лѣтъ* подъ приемотромъ, *чтобъ онъ привыкъ и остался въ Ушкалкѣ*. Мѣра дѣйствительно достигшая своей цѣли. «Отъ тоби и перейшли на вольні земли?» выразился Кузьма, ударивъ руками о полы своего кожуха. Интересенъ разсказъ его, какимъ образомъ укрьпляли помѣщичьи крестьянъ, поселившихся на ихъ земляхъ подъ извѣстными условіями, основанными на взаимномъ договорѣ. И теперь крестьяне

(*) *Погоничъ* собственно погоняльщикъ воловъ у плуга. Если кто говорить я уже *бувъ погоничемъ*, этимъ опредѣляютъ возрастъ отъ 9 до 12 или 13 лѣтъ.

не знаютъ
отдаленную
вишею о
сдѣ помѣщ
лучшихъ м
енные дезер
ти и тѣсно
дворяне, ко
въ степи ра
небольшую
съ уѣздным
хѣщики хит
записывать
по весьма п
разойтись кт
лейства, раз
отправлены
приходить
оставаться и
шились, не
вость, то, сч
отправили де
Алешкахъ пр
дать судъ, н
ательно треб
не попрежнем
Доновъ (донск
вей, какъ пош
поставили кар
затъ лозу. Су
пѣсями, пляс
вые паны выш
по сословіямъ.
манцы къ гетьм
звался къ круж
— Вы дворя
— Дворяне.
— Вы знали,
шенія на вольны

не знаютъ никакихъ правительственныхъ распоряженій, а въ ту отдаленную эпоху и подавно никому не было извѣстно о готовившейся отмѣнѣ вольнаго перехода. На Таврическомъ берегу, гдѣ помѣщики успѣли занять себѣ огромныя пространства въ лучшихъ мѣстахъ при водѣ, селились и бѣглецы крестьяне, и военные дезертиры, и малорусскіе козаки, выходившіе по бѣдности и тѣснотѣ прежнихъ селищъ, и наконецъ мелкопомѣстные дворяне, которые, продавъ свои имѣнія въ Малороссіи, шли въ степи разводить скотъ и заниматься земледѣліемъ, за самую небольшую плату мѣстнымъ владѣльцамъ. Вѣроятно, по стачкѣ съ уѣздными властями, и узнавъ заблаговременно о ревизіи, помѣщики хитро приступили къ дѣлу. Сзывать людей посемейно и записывать ихъ въ ревизію — казалось имъ неблагоразумнымъ, по весьма простой причинѣ, что крестьяне, смѣкнувъ, могли бы разойтись кто куда попало, а потому помѣщики записывали семейства, разспрашивая въ сосѣднихъ избахъ. Ревизскія сказки отправлены по назначенію, народъ ничего не зналъ, какъ вдругъ приходитъ извѣстіе, что гдѣ кто поселился, тамъ долженъ и оставаться и кромѣ того работать барщину. Крестьяне вполношились, не послушались, но какъ нашъ народъ уважаетъ законность, то, считая новый порядокъ притѣсненіемъ помѣщиковъ, отправили депутатовъ въ алешковскій судъ искать защиты. Въ Алешкахъ приказали выборнымъ возвратиться въ дома и ожидать судъ, который имѣлъ выѣхать. Между-тѣмъ паны настоятельно требовали работы и начали уже обращаться съ людьми не попрежнему. Наконецъ пріѣхалъ судъ, но въ сопровожденіи Доновъ (донскихъ козаковъ), которые не успѣли разсѣдлать коней, какъ пошли сгонять народъ и заперли въ кошары. Кругомъ поставили карауль, а остальные Доны бросились въ плавни рѣзать лозу. Судъ между тѣмъ въ помѣщицьемъ домѣ гулялъ съ пѣснями, пляской, и бутылки летали за окошки. На утро судовые паны вышли къ народу и старшій велѣлъ стать всѣмъ по сословіямъ. Такъ всѣ и стали: дворяне къ дворянамъ, гетьманцы къ гетьманцамъ и т. д. Опять таки старшій панъ отозвался къ кружку дворянъ:

— Вы дворяне?

— Дворяне.

— Вы знали, что пишется ревизія; отчего не подавали прошенія на вольныя земли?

— Мы не знали.

— Хорошо. Слушайте же теперь пана и работайте ему панщину.

— Мы сами дворяне и не будем работать помѣщику.

— Вы не дворяне, а крестьяне. Такъ не хотите слушаться?

— Нельзя, мы сами дворяне.

— Гей, Доны!

Являлись Донцы, клали дворянъ и сѣкли ихъ безъ милосердія. Который покорялся, того отпускали, а который не покорялся, того сѣкли жестоко, отливая водою.

Дошла очередь до малорусскихъ козаковъ.

— Вы козаки?

— Козаки.

— Вы знали, что пишется ревизія, отчего не подавали прошенія на вольныя земли?

— Мы ничего не слышали, намъ панъ не сказывалъ, а записывалъ насъ обманомъ.

— Вотъ я вамъ дамъ обмана. Теперь вы крѣпостные, слушайте пана и работайте ему панщину.

— Мы люди вольные, царицыны, а пану работать не хотимъ.

Однакоже какъ задали имъ *стѣкуцію*, они покорились. Бѣглецы крестьяне и дезертиры, видя, что *непереливки*, (*) согласились. Бѣглыхъ крестьянъ и старыхъ солдатъ оставили, а молодыхъ солдатъ попроводили въ Алешки.

— Такимъ то побытомъ вольные люди сдѣлались панскими! заключилъ Кузма. И вотъ мнѣ довелось слышать, что милосердый царь опять даруетъ намъ волю. Я можетъ быть и не дождусь, дѣтей у меня нѣтъ, такъ хоть дѣти дѣтей *покоштуютъ* что такое воля на свѣтѣ.

— Правда, дѣдушка, вы будете свободны. Но мнѣ кажется, у барона хорошо и крѣпостнымъ.

— О, поддержи его Богъ на свѣтѣ; панъ, какихъ не найдешь, что и говорить.... А воля!....

И старикъ покачалъ головою.

Такъ вотъ какъ прививалось въ Тавріи и вѣроятно во многихъ мѣстахъ Новороссіи, крѣпостное право, за которое сильно

(*) Дѣло плохо.

ратовали
изъ нихъ
ближайшая
вѣренная
возвратно,
рваннаго.
рабство на
личную за
память о т
крестьянъ
санному, д
какъ о про
или какъ о
бытіе; но
славный ст
что во мно
Хвостенк
около Баби
того дол
За Рогач
вечья, чрез
говорять, е
настырь, но
чрезъ двѣ о
Ляпятиху и
подобныхъ
мѣстныхъ на
тія выходца
ниговской гу
строено изъ
последняго о
ка Пуцина,
воръ образов
мѣтно преобл
свое двоегла
Рыболовств
и скотоводств
Верстахъ в
пятихъ, жите

ратовали многочисленные поклонники старины и даже нѣкоторые изъ нихъ не стыдились провозглашать печатно, что «крестьяне—ближайшая ихъ семья, божескими и челоѳическими законами вѣренная ихъ попеченію». Крѣпостное право конечно пало безвозвратно, разныя ухищренія иныхъ представителей привилегированнаго сословія не приведутъ къ желанной цѣли—уничтожить рабство на бумагѣ, а на дѣлѣ оставить ту же барщину и ту же личную зависимость; но любопытно и для будущаго сохранить память о томъ, какими средствами дѣды наши пріобрѣтали себѣ крестьянъ въ концѣ XVIII столѣтія. О фактахъ, подобныхъ описанному, доводилось мнѣ слышать въ разное время, но болѣе какъ о предположеніяхъ, основанныхъ на теоріи вѣроятностей, или какъ о преданіи, исказившемъ уже нѣкоторымъ образомъ событіе; но когда рассказалъ мнѣ это очевидецъ и такой разумный, славный старикъ какъ Кузьма Хвостенко,—я твердо убѣжденъ, что во многихъ мѣстахъ дѣло происходило подобнымъ образомъ.

Хвостенко мнѣ говорилъ также, что на его памяти было еще около Бабиной татарское кладбище, надгробные памятники котораго долго служили матеріалами для разныхъ построекъ.

За Рогачикомъ пересѣкаетъ мѣстность большая балка Чернечья, чрезвычайно каменистая, въ верховьяхъ которой, какъ говорятъ, есть пещера, и гдѣ по преданіямъ былъ какой-то монастырь, но когда—никому неизвѣстно. Переправившись еще чрезъ двѣ балки Голую и Пуцину, вы вѣдете въ селеніе Малую Ляпятиху или въ Лепетиху, какъ называютъ официально. При подобныхъ разногласіяхъ я принимаю сторону народа и держусь мѣстныхъ названій. Малая Ляпятиха основана въ началѣ столѣтія выходцами изъ Курской, Полтавской и преимущественно Черниговской губ. Селеніе замѣчательно только тѣмъ, что все построено изъ камня, начиная отъ домовъ до заборовъ и самаго послѣдняго сарайчика, чему много способствуетъ глубокая балка Пуцина, изобилующая камнемъ. Отъ смѣшенія нарѣчій говоръ образовался немног остранный для непривычнаго уха, но замѣтно преобладаетъ акцентъ черниговскій, утратившій впрочемъ свое доегласное о (уо).

Рыболовствомъ здѣсь очень мало занимаются, но земледѣліе и скотоводство даютъ порядочные доходы.

Верстахъ въ десяти ниже лежитъ огромное село Большая Ляпятиха, жители которой состоятъ изъ велико и малоруссовъ, и

хотя Днѣпръ подходит здѣсь прямо къ деревнѣ, Однако въ Ляпятихѣ нѣтъ никакого судоходства. Встрѣчая подобное обстоятельство, на такой большой судоходной рѣкѣ какъ Днѣпръ, можно только заключить, что сюда собралось разнородное население изъ степныхъ мѣстъ: я нахожу подтвержденіе этой гипотезы въ томъ, что лучшіе рыбаки произошли непременно отъ прирѣчныхъ выходцевъ. Къ Ляпятихѣ пристають лодки, но жители ея не имѣютъ ни одного суденышка, да и грузить хлѣбъ здѣсь единственный торговецъ еврей, онъ же и содержатель обязательской почты. Какъ-то грустно смотрѣть на село, гажется съ 5000 жителей, у котораго Днѣпръ подь бокомъ, прямое сообщеніе съ Одессой, хлѣба вдоволь, есть капиталы значительные для крестьянскаго быта, и никакого даже зародыша промышленности. Пусть земляки мои—малоруссы медленны во всемъ и держатся крѣпко дѣдовскихъ обычаевъ, но здѣсь довольно и великоруссовъ—племени промышленнаго: отчего же этотъ застой, эта мертвенная тишь?.....

О Большой Ляпятихѣ старики рассказываютъ, что она прежде была господская, помѣщика Шуазеля, но со смертью господина, оказавшагося совершенно безъ всякихъ наслѣдниковъ, отошла въ казну. Здѣсь же Конка падаетъ въ Днѣпръ.

Невдалекѣ лежитъ селеніе Панскіе Каиры или какъ называется официально Князь-Григорьевка г. Рахманова. Мѣсто грустное, не по своему положенію, ибо надъ Днѣпромъ нѣтъ некрасивыхъ мѣстностей, но я не знаю, отчего оно наводило на меня безотчетную тоску. Господскій садъ воздѣлывается порядочно и заведенъ уже виноградникъ, доставляющій вино довольно низкаго качества; но у крестьянъ, какъ водится, нѣтъ никакихъ деревьевъ, исключая кое-гдѣ торчащихъ акацій. Рыболовство незначительное. Люди вообще бѣдны и не могутъ похвалиться бытомъ, по случаю стѣсненія отъ экономіи, имѣющей въ виду собственно лишь пользу владѣльца—обычай, конечно существующій и во многихъ другихъ имѣніяхъ. Есть крестьяне, у которыхъ какъ выражаются малоруссы, и *кішки нема у хаті* (нѣтъ и кошки въ избѣ), чѣмъ доказывается крайнее убожество, и какъ носится слухъ, вообще обхожденіе съ людьми весьма негуманно. Не доѣзжая селенія, противъ балки Широкой, Конка снова вырывается изъ Днѣтра и течетъ уже особо до самой Каховки.

Перебѣх
Заводовка
есть небо
крестьяна
крайней
гласъ на
а прикащ
Хотя впр
шадми в
во во пер
крытаго л
лаются вс
быть меня
ныхъ кони
пить моло
блюдо, и
еще кое к
чрезвычай
Изъ Зав
по оврагам
И вотъ на
Саматая,
ка. Здѣсь
началъ сто
данія. Пин
сти окопа,
когда осад
ново новое
только води
подобное на
вое село до
балки, о ко
дѣиель и с
жатыя своих
малыя дѣти
между послѣ
кацапъ! хо
стаевкѣ каба
гихъ де

Переѣхавъ балки Каирку и Вербовую, встрѣчается селеніе Заводовка князя Кочубея. Помѣщичье хозяйство хорошо устроено, есть небольшое рыболовство, начали заводить виноградъ. Но крестьянамъ чуть ли не хуже чѣмъ въ Панскихъ Каирахъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ можно основаться на поговоркѣ: «гласъ народа, гласъ Божій». Помѣщикъ самъ не живетъ здѣсь, а прикащикъ пользуется въ окрестности нехорошей репутаціей. Хотя впрочемъ единственный разъ, когда я адресовался за лошадьми въ экономію, мнѣ было оказано полное гостепріимство, но во первыхъ это было вслѣдствіе генераль-губернаторскаго открытаго листа, а во вторыхъ во владѣльческихъ экономіяхъ дѣлаются всегда распоряженія объ угощеніи проѣзжихъ. Можетъ быть меня даже сочли чѣмъ нибудь важнѣе становаго. Въ разныхъ концахъ деревни заходилъ я въ избы выкурить сигару, купить молока, попросить изготовить какое нибудь незатѣйливое блюдо, и однажды только попалъ на хозяина, который живетъ еще кое какъ, а остальные изнурены работой и отягощены до чрезвычайности.

Изъ Заводовки дорога тянется по берегу, по большей части по оврагамъ и косогорамъ, надѣлая путешественника толчками. И вотъ наконецъ вы переѣзжаете огромную балку, называемую *Сапатая*, за которой лежитъ большое казенное село Горностаевка. Здѣсь живутъ великоруссы и малоруссы, поселившіеся въ началѣ столѣтія. О названіи села носятъ въ народѣ два преданія. Иные говорятъ, что названо оно такъ по случаю близости окопа, сдѣланнаго генераломъ Горностаевымъ, а другіе, что когда осадчій (Гаврилко) спрошенъ былъ въ Симферополѣ каково новое мѣсто, выбранное подъ село, то онъ отвѣчалъ: «тамъ только водится горностаемъ», и будто бы отъ этого произошло подобное наименованіе. Старики впрочемъ утверждаютъ, что новое село долго еще называлось Сапатою, по имени значительной балки, о которой упомянуто выше. Жители занимаются земледѣіемъ и скотоводствомъ. Оба племени, по возможности, держатся своихъ обычаевъ и твердо сохранили свои нарѣчія. Но малыя дѣти говорятъ уже какимъ то смѣшаннымъ языкомъ, и между послѣдними во время споровъ вырываются выраженія: кацапъ! хохоль! Мазена! Я замѣтилъ однакоже, что въ Горностаевкѣ кабакъ усерднѣе посѣщается жителями, чѣмъ въ другихъ деревняхъ; покрайней мѣрѣ сколько я ни бывалъ здѣсь,

у дверей питейнаго заведенія всегда сидѣла толпа, и по разговорамъ видно было, что добрые люди не безъ цѣли заходили къ цѣловальнику. Не относясь никогда къ чиновнымъ простодушнымъ за свѣдѣніями, потому что вообще все эти старшины, соцкіе и писаря выводятъ меня изъ терпѣнія своимъ раболѣпствомъ, я избираю для бесѣдъ своихъ какогонибудь селянина, которой не видѣлъ бы во мнѣ чиновника. Последній разъ проѣзжая чрезъ Горностаевку, я разговорился съ однимъ малорусомъ, который, по своему добродушному виду и веселой улыбкѣ, казался мнѣ пріятнымъ собесѣдникомъ.

— Скажи пожалуйста, началъ я послѣ разныхъ разностей объ урожаѣ, рыбной ловлѣ и т. п.,—вы ничего не слышали о тѣхъ селахъ, которыя дали зарокъ не пить водки?

— Какъ не слышать—слыхали.

— Кто же вамъ сказывалъ?

— Да цѣловальникъ сказывалъ.

— Быть не можетъ! Самъ цѣловальникъ?

— Да вотъ на прошлой недѣлѣ. Мы зашли съ кумомъ да застали тамъ свата Матвѣя и еще кацапа Еремку....

— Изъ чего же зашла рѣчь?

— Да видите ли, я похвалилъ водку. Точно у насъ водка и забираетъ, и невоночая, какъ у другихъ, и таки правду сказать—нѣтъ лучше ни въ Каирахъ ни въ Ляпятихъ.

— Ну?

— А цѣловальникъ и говоритъ: вѣдь вотъ, ребята, примѣромъ нашъ откупщикъ старается, несетъ убытки и ужъ какъ радѣеть добрымъ людямъ, да и другіе стараются точно также. «Ну нѣтъ, перебилъ кумъ Степанъ, хоть бы и въ Ляпятихъ, чортъ знаетъ что за водка». — «Бываетъ, молвилъ цѣловальникъ: ну, да безъ этого нельзя. Вотъ, братцы, начали проявляться безбожные люди, которые зарѣкаются не пить водки, да не только сами не пьютъ, а и другихъ вводятъ въ грѣхъ!» — Какъ, спросилъ опять таки кумъ Степанъ: не пить водки никогда? — «Не пить и баста». — «Чтожъ они пьютъ?» — «А ничего, такъ и пропадаютъ какъ собаки». — Ужъ подлинно сабаки, сказалъ кацапъ Еремка». — «Такъ видите ли, заговорилъ цѣловальникъ, если Боже сохрани и у насъ проявится такой антихристъ, то заплевать ему глаза». — «И въ расправу потащить, отозвался кумъ Степанъ—это ни на что не похоже». — «То то же, сказалъ

цѣловальникъ
говорить
звался я
А вамъ
спросилъ
ваютъ?
— Вид
потому ч
шійся об
— Что
— Бож
— Так
село?
— Цѣл
— Ну,
кунибудь
— Нѣтъ
— А на
— Не п
— Такъ
Здѣсь я
тому все,
такихъ, гд
бахъ, но д
нейныхъ то
подобную в
обдѣлкамъ
ства, но еш
не скоро тр
накоже поп
сѣдовать съ
— Почему
— Вино д
— Вино с
разъ же ты
улицѣ?
— Когда
ходить, что
такъ когда

цѣловальникъ: вы, братцы, не слушайте, если кто станетъ вамъ говорить богопротивныя слова». — «Еще бъ мы послушались, отозвался я, да скорѣе мы откажемся отъ хлѣба, чѣмъ отъ нее. А вамъ случалось видѣть такихъ людей, что не пьютъ водки, спросилъ меня мой собесѣдникъ, — или это только разсказываютъ?»

— Видѣлъ и не одного, отвѣчалъ я, принимая ложь на душу, потому что по моей дорогѣ нигдѣ не попадались вновь появившіяся общества трезвости.

— Чтожъ, ихъ начальство принуждаетъ?

— Боже сохрани! сами они добровольно отказываются.

— Такъ стало быть они величайшіе дурни! И таки цѣлое село?

— Цѣлое село какъ есть.

— Ну, а какъ же они, если сойдутся въ расправу по какому нибудь мірскому дѣлу — и тутъ не пьютъ?

— Нѣтъ.

— А на крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ?

— Не пьютъ.

— Такъ это быть не можетъ.

Здѣсь я началъ подробно разсказывать моему новому знакомому все, что зналъ объ обществахъ трезвости, и упомянулъ о такихъ, гдѣ крестьяне сговорились не пить собственно въ кабакахъ, но дома употребляютъ по чаркѣ, по другой во время семейныхъ торжествъ, или праздниковъ. Трудно было обратить подобную натуру, какъ мой собесѣдникъ, и если подумать, что бѣднякамъ не только никто не растолкуетъ о вредѣ отъ пьянства, но еще стануть всѣми силами поддерживать пьянство, то не скоро трезвость привьется къ нашимъ простолюдинамъ. Я однакоже попытался (прошу извиненія у откупщиковъ) еще побесѣдовать съ интереснымъ Горностаевцемъ.

— Почему бы вамъ лучше не пить вина или пива?

— Вино дорого, а пива у насъ нѣтъ, да этимъ и ненальешься.

— Вино совсѣмъ не дорого, а гораздо дешевле водки. Да развѣ же ты непременно пьешь для того, чтобы валяться по улицѣ?

— Когда глотаешь чарку, то никогда и въ голову не приходитъ, что будешь словно свинья лазить подъ плетнями, а тамъ когда разберетъ — чортъ знаетъ гдѣ и сила пропадаетъ

изъ ногъ. Извѣстно, пьешь для того, чтобъ зашумѣло въ голо-
вѣ. Ну, а у васъ какъ пьютъ? вдругъ спросилъ онъ меня и
прищурилъ глаза.

— Пьютъ сколько слѣдуетъ.

— Да вы купцы?

— Купцы.

— А откуда?

— Изъ Черноморіи.

— Такъ вы говорите, купцы пьютъ по немногу! Нѣтъ, ви-
дѣлъ я какъ въ Каховкѣ пьютъ купцы, только держись. А па-
ны, на что паны,—и тѣ не оставляютъ на доньшкѣ. Ей Богу,
иной *набразится* куда хуже нашего брата и на ногахъ не
устоитъ и языкомъ не ворочаетъ, такъ что смѣшно смотрѣть, а
все командуетъ. Не хотите ли, сходимъ, я васъ *почастую*
(попотчую).

— Благодарствуй, я не пью да мнѣ и некогда.

— Только полштофика. Вы мнѣ понравились.

— Не могу, право некогда, спѣшу въ Каховку.

— Жаль, а вы полюбили бы нашего цѣловальника, славный
чоловья (увел. отъ сл. *человѣкъ*).

Послѣ того я взялъ себѣ за правило вездѣ бесѣдовать съ
крестьянами о трезвости, и если бы свестъ всѣ мои бесѣды по
этому случаю, можно бы напечатать цѣлый томъ самыхъ убѣ-
дительныхъ доказательствъ, какъ многія лица, имѣющія вліяніе,
стараятся внушить народу, что мысль о трезвости не только
мысль дикая и нелѣпая, но даже вредная для общественнаго
спокойствія.

Изъ Горностаевки, отправляясь по берегу, вы переѣзжаете
балку Широкою и потомъ предъ вами покажется большая
группа вѣтряныхъ мельницъ. Это огромное казенное село Каиры.
Читатель помнитъ, что недавно попадалась уже намъ деревня
этого имени. Старожилы говорятъ что казенные Каиры въ
прежнее время назывались *западными*, а панскіе *мечетскими*,
нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣднихъ сохранились остатки ме-
чети (*). Западные же Каиры получили названіе оттого, что

(*) Вотъ что встрѣчается въ Исторіи о козакахъ запорожскихъ кн. Мышец-
каго:

19) Рѣка Мечетная Каиръ разстояніемъ отъ Сухой 20 верстъ. Теченіе имѣетъ

стоять словно в
изъ Полтавско
знаю одного с
былъ пѣвчимъ
торства князя
обѣдахъ у то
было великолѣ
вѣроятіе—«ни
онъ и до сих
чихъ всегда з
— Какіе м
чудо; нѣтъ, в
гаемъ и разну
улицѣ.

Рыболовств
чѣмъ въ проч
не такъ еще
лошадей. Впр
отъ Знаменки,
Не больше ка
бывали дикія
онъ никогда
лись въ упря
что и теперь
попадаютъ
неизвѣстно, а
ходили они д
лицъ, на пра
дуя къ водопо
и зорко осма
угональ табун
подобномъ ко
дикій жеребен
торья, бывъ
лялись отъ де

изъ стени до Д
городище и меч
20) Рѣка Запа
имѣетъ изъ стени

стоять словно въ западнѣ. Здѣсь все малоруссы, преимущественно изъ Полтавской губерніи. Изъ числа первыхъ поселенцевъ я знаю одного старика-выходца изъ Кобелякского уѣзда, который былъ пѣвчимъ въ Полтавѣ, еще во времена генераль-губернаторства князя Куракина. Онъ рассказывалъ, мнѣ о пирахъ и обѣдахъ у тогдашнихъ вельможъ. По его словамъ, во всемъ было великолѣпіе, а напитки и напѣвки превосходили всякое вѣроятіе—«ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать». Но онъ и до сихъ поръ не можетъ понять одной странности: пѣвчихъ всегда заставляли пѣть *простыя мужицкія пѣсни*.

— Какіе мы знали концерты, панскіе припѣвы—просто на чудо; нѣтъ, велятъ пѣть *Гриця, Сагайдачаню, Ой за гаемъ, гаемъ* и разную простоту, что парубки и дѣвчата поютъ на улицѣ.

Рыболовство здѣсь незначительно, хотя и больше рыболововъ чѣмъ въ прочихъ селеніяхъ. Мнѣ рассказывали старики, что не такъ еще давно въ степи водилось большое число дикихъ лошадей. Впрочемъ, по всему лѣвому берегу Днѣпра, начиная отъ Знаменки, старожилы упоминаютъ объ этомъ обстоятельстве. Не больше какъ лѣтъ двадцать назадъ у каирскихъ поселянъ бывали дикія лошади, разумѣется пойманная жеребятами, но онѣ никогда не привыкали къ человѣку, а тѣмъ болѣе негодились въ упряжь. Объ этихъ дикихъ лошадяхъ рассказываютъ, что и теперь еще въ глухихъ степяхъ, гдѣ рѣже населеніе—попадаются въ небольшомъ количествѣ. Гдѣ они плодились—неизвѣстно, а видѣть ихъ можно было близъ воды, куда проходили они для водопоя. Обыкновенно цѣлымъ табуномъ кобылицъ, на правахъ султана, завѣдывалъ жеребецъ, который, слѣдуя къ водопою и обратно, выскакивалъ всегда на курганы и зорко осматривалъ мѣстность. При малѣйшей опасности онъ угонялъ табуны далеко въ степь съ неимовѣрною быстротою. Въ подобномъ косякѣ видали иногда лошадей въ хомутахъ, ибо дикій жеребецъ отбивалъ при случаѣ упряжныхъ кобылъ, которыя, бывъ опущены какимъ нибудь проѣзжимъ на пашу, удалялись отъ дороги.

изъ степи до Днѣпра 30 верстѣ. На оной Мечетной, въ древніе годы, бывало городище и мечеть, татарскаго владѣнія.

20) Рѣка Западная Каиръ, разстояніемъ отъ Мечетной 10 верстѣ. Теченіе нѣтъ изъ степи до Днѣпра 30 верстѣ (стр. 63).

Въ плавнѣ и теперь еще водятся дикія козы, но мнѣ самому видѣть ихъ не приходилось. Въ концѣ деревни въ плавнѣ замѣтны еще остатки турецкаго моста, о которомъ я упомянулъ при описаніи праваго берега, именно между Бизюковымъ монастыремъ и колоніей Клостердорфомъ. Недалеко врѣзывается въ долину Днѣпра балка Каирка.

Миновавъ небольшую деревеньку помѣщика Бѣлаго, замѣчательную лишь убожествомъ крестьянъ, ободранными избами, да дырчатымъ мостомъ, черезъ который почти невозможно перебраться, вы чрезъ полчаса въѣзжаете въ селеніе Софіевку, принадлежащую г. Мальцову. Здѣсь невольно отдыхаешь душой, потому что по всей деревнѣ построены прекрасныя каменные избы, внутри которыхъ проглядываетъ даже довольство. Сюда переведены великорусскіе крестьяне. Находя сбытъ въ низовьяхъ Днѣпра произведеніямъ своихъ заводовъ, г. Мальцовъ приобрѣлъ это имѣніе съ цѣлю устроить здѣсь складъ желѣза, стекла, посуды, и принялся за дѣло съ свойственною ему предприимчивостью. По берегу выстроены огромный красивый магазинъ, въ которомъ и помѣщаются всевозможныя произведенія его желѣзныхъ, хрустальныхъ и фаянсовыхъ заводовъ. Кромѣ того положено уже начало лѣсной пристани, какъ я слышалъ, въ видахъ удешевленія лѣснаго матерьяла, который вездѣ вокругъ продается по весьма высокой цѣнѣ. Предприимчивый владѣлецъ хочетъ также держать здѣсь пароходъ, что конечно не представитъ ему большихъ издержекъ, принявъ во вниманіе собственныя средства для этого. Говорили мнѣ также, но я не выдаю за достовѣрное, что г. Мальцовъ предполагаетъ исходатайствовать разрѣшеніе на устройство переправы на ту сторону, прямо къ шведской колоніи, чтобы сократить чумакамъ путь и дать имъ возможность обойти каховскіе пески. Для этого нужно насыпать большія дамбы чрезъ плавню, что конечно представитъ большіе расходы,—а чрезъ Днѣпръ буксировать пароходомъ баржи или паромы. Не знаю, въ какой мѣрѣ справедливы слухи, но говорятъ, что помѣщикъ не предлагаетъ взимать съ чумаковъ никакой платы за переправу, въ томъ вниманіи, что если всѣ обозы направляются по этому пути, то онъ достаточно уже будетъ вознагражденъ покупою чумаками разныхъ матеріаловъ, склады которыхъ устроятся въ Софіевкѣ. Расчетъ довольно вѣрный. Если держать деготь,

веревки, разные припасы, ходъ 200 000 лей. Чумакамъ бращеніемъ пугаютъ даровымъ такъ имѣетъ свѣ и лишній десятокъ для которыхъ у Рыболовство добрымъ бытомъ экономія.

Изъ Софіевки чрезъ крутой о Любимовку, каковой балкой, званіе. Говорятъ въ ней водилось тели занимаютъ устроено по балкамъ видѣ, которыхъ плавни лѣваго берега отсутствіемъ топосѣднихъ помѣщиковъ. Ниже, противъ ка, принадлежащая ставью и весьма крымскомъ трактѣ бранія чумаковъ, тель припомнить этомъ предметѣ. всю весну буксирнѣстечка усилила чель тоже сказана порядочный годъ здѣсь купечество ключивъ условіе ищичья домѣ

веревки, разные деревянные издѣлія, нужныя чумаку, съѣстные припасы, табакъ, кое-что изъ одежды, и обувь, то проходъ 200 000 фуръ представить большую цифру потребителей. Чумакамъ же нельзя не воспользоваться во первыхъ сокращеніемъ пути, во вторыхъ обходомъ песковъ, а въ третьихъ даровымъ перевозомъ, который для простолюдина все таки имѣетъ свое обаяніе, если бы даже нужно было сдѣлать и лишній десятокъ верстъ. Но повторяю—все это одни слухи, для которыхъ у меня нѣтъ положительныхъ основаній.

Рыболовство здѣсь порядочное, и жители могутъ похвалиться добрымъ бытомъ, потому что ихъ не отягощаетъ владѣльческая экономія.

Изъ Софievки по не весьма хорошей дорогѣ, перебравшись чрезъ крутой оврагъ, пріѣзжаете вы въ Сомову балку или Любимовку, какъ значится официально. Оврагъ называется Сомовой балкой, а потому и селеніе получило подобное названіе. Говорятъ, въ старину эта балка изобиловала водою и въ ней водилось множество сомовъ огромныхъ размѣровъ. Жители занимаются выжиганьемъ извести, на какой предметъ и устроено по балкѣ нѣсколько печей. Рыболовство въ самомъ жалкомъ видѣ, да и то мѣста для этого нанимаются у шведовъ, которыхъ плавни подходятъ къ самой Конкѣ, текущей вплоть у лѣваго берега днѣпровской долины. Жители также стѣснены отсутствіемъ топлива и пріобрѣтаютъ его или въ казнѣ или у сосѣднихъ помѣщиковъ.

Ниже, противъ Берислава, лежитъ богатое мѣстечко Каховка, принадлежащее помѣщику Куликовскому, съ хорошою пристанью и весьма развитою торговлей. Каховка на главномъ крымскомъ трактѣ и въ настоящее время важнѣйшій пунктъ собранія чумаковъ, слѣдующихъ въ Перекопъ и обратно. Читатель припомнитъ статью о Бериславѣ, въ которой говорится объ этомъ предметѣ. Владѣлецъ Каховки пріобрѣлъ пароходъ, во всю весну буксирующій на баржахъ чумацкіе обозы. Торговля мѣстечка усилилась по этому случаю въ ущербъ Бериславу, о чемъ тоже сказано мною въ своемъ мѣстѣ. Каховка походитъ на порядочный городокъ, чему много способствуетъ поселившееся здѣсь купечество, которое построило дома и магазины, заключивъ условіе съ владѣльческой экономіей. Не говоря о помѣщицьемъ домѣ и вообще обо всей усадьбѣ, есть весьма при-

личные домики по высокому берегу, вдоль котораго размѣщаются четыре лѣсныхъ двора, доставляющіе строевой матеріалъ далеко въ окрестности. Въ низу же гостинный дворъ и базаръ, гдѣ можно достать все необходимое, и гдѣ непрерывно толпится народъ, потому что на пристаняхъ постоянно работаютъ множество пильщиковъ, преимущественно захожихъ изъ великой Россіи. Въ Каховкѣ есть почтовая контора и станція, и живеть приставъ 2 стана Днѣпровскаго уѣзда, которому весьма много работы, особенно во время ярмарокъ (9 мая) Никольской и (1 октября) Покровской. Въ продолженіе всего времени путешествія по низовьямъ Днѣпра, мнѣ удалось побывать здѣсь лишь на Никольской ярмаркѣ, и признаюсь, я никакъ не могъ предполагать, чтобы въ мѣстечкѣ Таврической губерніи могъ быть такой огромный съѣздъ торговцевъ и еще съ предметами, на которые трудно разсчитывать большое число покупателей. За мѣстечкомъ, на площади, устроенъ большой гостинный дворъ съ разными подраздѣленіями, который занимается весь приѣзжимъ купечествомъ, и кромѣ того по всѣмъ направленіямъ далеко въ степь устанавливаются торговцы, такъ что ярмарка, если считать окрестныхъ поселянъ съ возами, — занимаетъ нѣсколько квадратныхъ верстъ, наполненныхъ страшною суетой, гуломъ, говоромъ, крикомъ и вообще кипучей ярмарочной дѣятельностью. Въ такъ называемомъ панскомъ ряду вы найдете магазины изъ Одессы и Херсона съ утонченными предметами роскоши и послѣдней моды нарядами, и здѣсь то встрѣтите прекрасный полъ сѣверной Тавриіи. Помѣщики вообще держатся въ центрѣ, возлѣ херсонскихъ лавокъ, на вывѣскахъ которыхъ кромѣ разныхъ товаровъ, значится — торговля иностранными винами. Тутъ же иногда, подъ легкимъ навѣсомъ, происходятъ шумныя и обильныя возліянія Бахусу, а дымъ отъ папиросъ знакомитъ ваше обоняніе съ запахомъ крымскаго и бессарабскаго табаку, который, какъ водится, купцы продаютъ за турецкій къ радости покупателей и еще къ большому собственному удовольствію. Я узналъ, что херсонскіе табачные торговцы привозятъ сюда весь остатокъ отъ своихъ запасовъ, который не могъ разойтись въ Херсонѣ.

Но публика панскаго рода немного занимала меня, я преимущественно отправлялся на сѣверный конецъ гостиннаго двора, гдѣ широкая улица трактировъ отдѣляетъ его отъ части чер-

ной ярмарки. З.
увлекаютъ пѣсни
дирательной, но
подъ этотъ, ни с
лоду, гуль, по
слушать издали.
палаткахъ, соби
крымское вино и
мнѣ кажется, бол
гдѣ гостеприимн
чтобы кто изъ по
правлялся къ сво
и нерѣдко мужи
шій въ заведеніе,
дѣлается и выпит
телей, мало по ма
ровость и чрезъ
селья или одури,
воздухъ неуклонж
Случалось мнѣ вид
гулякъ подходила
и старалась вытас
ка утѣшительныя с
топталась на одно
потомъ неслась въ
Въ эти трактиры
молодыя, принадле
тому подходящія к
движеніяхъ, взгля
между ними и соде
что эти сирены неуго
человѣкъ зашелъ в
дѣлается впечатлител
тересомъ смотреть на
краснаго пола. Как
не дуетиться самому
интуно, толпа зрител
другою, и въ то врем
стола и вкушаютъ отк

ной ярмарки. Здѣсь отъ зари до зари и далеко за полночь не умикаютъ пѣсни, не перестаютъ танцы подь звуки иногда раздражительной, но всегда веселой музыки, подь звонъ стекла и подь этотъ, ни съ чѣмъ несравнимый гулъ отъ многочисленнаго люду, гулъ, подходящій нѣсколько къ гудѣнію пчель, если его слушать издали. Въ этихъ трактирахъ, огромныхъ холстяныхъ палаткахъ, собирается чрезвычайно разнообразная публика, и крымское вино и разбавленная водка ежеминутно поглощаютъ, мнѣ кажется, большую часть выручки тѣхъ, кто вступаетъ подь тѣнь гостепріимныхъ заведеній. По крайней мѣрѣ я не замѣчалъ, чтобы кто изъ посѣтителей пришелъ, вышилъ и тотчасъ же отправлялся къ своему мѣсту. Здѣсь на долго пресѣкается путь и нерѣдко мужикъ съ самой серьезной физиономіей, вступившій въ заведеніе, по видимому, съ цѣлью взглянуть что тамъ дѣлается и выпить косушку, долго державшійся въ кругу зрителей, мало по малу подвигается къ центру, теряетъ свою суровость и чрезъ нѣсколько минутъ, увлекаемый потокомъ веселья или одури, выбиваетъ трепака и вскидываетъ высоко на воздухъ неуклюжія подошвы своихъ чудовищныхъ сапоговъ. Случалось мнѣ видѣть, что къ подобному импровизированному гулякѣ подходила крестьянка съ сердитымъ выраженіемъ лица и старалась вытащить его изъ этого омота, высказывая не весьма утѣшительныя фразы, но чрезъ нѣсколько времени уже сама топталась на одномъ мѣстѣ подь тактъ разудалой мелодіи, а потомъ неслась въ вихрѣ одуряющей пляски.

Въ эти трактиры съ утра приходятъ женщины, преимущественно молодыя, принадлежащія къ крестьянскому сословію, но по костюму подходящія къ категоріи городскихъ мѣщанокъ. Въ ихъ движеніяхъ, взглядахъ, — много двусмысленнаго. Какъ видно, между ними и содержателями заведеній заключенъ союзъ, потому что эти сирены неутомимо танцуютъ, начиная спозаранку. Добрый человекъ зашелъ выпить. Пропустивъ косушку, другую, онъ дѣлается впечатлительнѣе къ звукамъ музыки и съ большимъ интересомъ смотритъ на движенія (иногда не весьма скромныя) прекраснаго пола. Какъ не угостить танцовщицъ, а потомъ какъ не пуститься самому показать удалъ. Народъ прибываетъ поминутно, толпа зрителей увеличивается, сирены смѣняются одна другою, и въ то время какъ однѣ сидятъ запыхавшись вокругъ стола и вкушаютъ откупной нектаръ въ обществѣ услужливыхъ

кавалеровъ, другія отплясываютъ для услажденія зрителей разныя замысловатые танцы, и въ томъ числѣ польку. Но днемъ все это весьма обыкновенно и не стоитъ особеннаго вниманія. Вечеромъ зрѣлище гораздо интереснѣе. Кромѣ того, что разгулъ шумнѣе, что народу больше, здѣсь появляются и танцоры въ сѣрыхъ барашковыхъ шапкахъ съ бритыми головами, и нѣмецкіе колонисты въ суконныхъ картузахъ, съ бритыми физіономіями. Татары требуютъ національной музыки и упражняются въ одномъ углу, а въ другомъ подгулявшіе нѣмцы кружатся съ необыкновенно комическими движеніями. Иногда невольно или нарочно пьяный татаринъ очутится между колонистовъ и, ставъ на голову, выдѣлываетъ въ воздухѣ ногами затѣйливую па; въ другой разъ проказникъ нѣмецъ заберется къ татарамъ и отплясываетъ, подобравши свои длинныя полы. А вокругъ хохотъ, крикъ, пѣсни, визгъ женщинъ.....И вотъ толпа разступается на обѣ стороны, нѣмцы и татары остановились съ изумленными лицами, двѣ музыки продолжаютъ оглушающія пьесы....а въ дверь ввалился высокій статный чумакъ, весь въ дегтѣ, съ шапкой въ одной, съ батогомъ въ другой рукѣ, и пустился въ присядку, понутивъ голову, не обращая вниманія на публику и не рѣдко съ зажмуренными глазами. Публика однакоже пришла въ себя, начинается ропоть, но чумакъ требуетъ штофъ или два водки, и пей кому только вздумается, а самъ подъ смѣшанные звуки двухъ оркестровъ выбиваетъ гопака, иногда припѣвая: «гуляй душа безъ кунтуша и т. д.» Всю ночь на пролетъ въ этихъ балаганахъ совершаются гомерическія попойки, но надобно правду сказать, въ числѣ совершающихся сценъ весьма рѣдко происходятъ трагическія, развѣ замѣтны физіономіи съ подбитыми слегка глазами или съ не очень расквашеннымъ носомъ, т. е. до такой степени, что нашъ простолюдинъ не обращаетъ еще вниманія иной разъ по благодушію, другой по отношеніямъ, и наконецъ еще и потому, что слѣдуя ветхозавѣтному правилу воздасть око за око и зубъ за зубъ, въ свою очередь. Женщины здѣсь однакоже не производятъ беспорядковъ, или лучше сказать, не служатъ предметомъ ссоры между пирующими.

На противоположной сторонѣ помѣщаются рестораціи и чайныя трактиры, гдѣ не происходитъ уже оргій, но поглощается чай въ большомъ количествѣ и потребляются разные съѣстные при-

пасы, А
шаго к
зыска
Въ г
гановъ
и прі
публик
гомъ п
возлѣ с
ныхъ з
лись ст
свойств
мурзы
при кан
прекрас
одобрен
приемом
не смот
выражен
русскій
обществ
Но с
не у гост
и вообщ
степи на
вѣсовъ
товары
русскій
ская арб
происход
веденных
употребл
цѣли. Здѣ
надуть л
свою оче
гарцуютъ
приземист
доказать
покупаютъ

пасы, достигающие, посредством приготовления, того отталкивающего качества, которое может заглушить аппетит самого невзыскательнаго потребителя.

Въ прошломъ году, кромѣ двухъ трехъ простонародныхъ балагановъ, устроенъ былъ циркъ бродячею труппою вольтижеровъ, и прїѣзжалъ звѣринецъ. Въ этихъ двухъ мѣстахъ собиралась публика, въ одномъ удовлетворить своему любопытству, въ другомъ провести вечеръ. Интересно было видѣть передъ звѣринцемъ возлѣ огромныхъ вывѣсокъ, представлявшихъ невозможныхъ дикихъ звѣрей въ разныхъ неестественныхъ позахъ, — какъ толпились степные татары и вели самый одушевленный разговоръ съ свойственной этому народу жестикуляціей. Въ циркѣ тоже иные мурзы (татарскіе помѣщики) наивно выражали свое удивленіе при какой нибудь весьма обыкновенной штукѣ вольтижеровъ. Сами прекрасные наѣзники, мурзы эти неистово кричали въ знакъ одобренія и еще неистовѣе аплодировали, замѣтивъ, что этимъ приѣмомъ прочая публика выражала свое удовольствіе. Впрочемъ, не смотря на аплодисменты, изъ толпы мурзъ вылетали такія выраженія, которыя хотя и цѣликомъ переведены въ народѣ на русскій языкъ, но не произносятся въ какомъ бы то ни было обществѣ.

Но самое живое ярмарочное движеніе происходитъ не здѣсь, не у гостиннаго двора, гдѣ толпятся помѣщики, чиновники, купцы и вообще люди болѣе или менѣе высшаго сословія, — а тамъ въ степи на широкомъ просторѣ, гдѣ тянутся ряды холстяныхъ навѣсовъ и шалашей, подъ которыми разложены простонародные товары и гдѣ стоятъ въ разныхъ направленіяхъ и позахъ и мало-русскій возъ и великорусская телѣга и нѣмецкій фургонъ и татарская арба, постоянно не мазанная и всегда скрипучая. Здѣсь то происходитъ любопытное столкновеніе различныхъ племенъ, приведенныхъ одною цѣлью — продать дороже, купить дешевле и употребляющихъ всѣ зависящія средства для достиженія этой цѣли. Здѣсь цыганъ, обладатель тощаго разбитаго коня, желаетъ надуть ловкаго еврея, можетъ быть, конокрада, который въ свою очередь хочетъ сбыть безсильную животину, и оба верхами гарцуютъ къ утѣшенію собравшейся публики. Въ другомъ мѣстѣ приземистый старовѣръ торгуетъ у татарина корову и старается доказать послѣднему, что скотина ровно никуда не годится, а покупаетъ онъ ее только потому, что она подходящая. Татаринъ,

нахлобучивъ шапку и невзирая ни на какое краснорѣчіе, котораго и не понимаетъ вполнину, твердить свое:

— 25 монетъ.

— Да вѣдь посмотри, у нее ребра свѣтятся.

— Можна.

— И нутро должно быть попорчено.

— Можна.

— Ну, отдаешь за 17?

— 25 монетъ.

— Ахъ какой ты! зарядилъ свое и не уступаетъ ни гроша.

Видишь вотъ и шерсть повылѣзла.

— Можна.

— Ну такъ сколько же!

— 25 монетъ.

Старовѣръ плюнетъ и отойдетъ. Но корова его соблазнила, просимую цѣну можно дать безъ убытка, а все таки хочется выторговать.

— Эй, знакомъ, кричитъ онъ, возвращаясь, продаешь что ли корову?

— Продаемъ.

— Ну что же крайняя цѣна?

— 25 монетъ.

— Послушай, бери ужъ, такъ и быть 18.

— Не бери.

— Она совсѣмъ не тово, я знаешь купилъ бы потому, что гоню овецъ, такъ вмѣстѣ догнать бы до дому. Возьми 19, знакомъ.

— Не возьми.

— А сколько же крайняя цѣна?

И русакъ протягиваетъ руку. Татаринъ останавливается, думаетъ, почесывается...

— Ну говори!

— 25 монетъ.

Старовѣръ убѣгаетъ съ бранью, но нѣтъ сомнѣнія, что они сходятся гдѣ нибудь и оканчиваютъ дѣло.

Вообще на этой большой площади цѣлый день непроходимая толпа, но движеніи и дѣятельность продолжаются не такъ долго: покрайней мѣрѣ къ 12 числу народа уже очень мало. Кроме мѣ рестораций, куда ходятъ нѣсколько высшя сословія, для

простои
открыть
Благода
даже о
ваго хл
дѣсных
вой, но
дранной
ходу и
суеть, с
не безъ
великор
хаться с
то сыпя
вычайно
загромо
выучилс
собствен
У ква
единстве
отмѣчен
съ разли
важности
рядка и
очень ск
двухъ со
тыми ок
противле
заніе сво
ся перед
рать они
хлѣбъ за
земской п
чій, котор
марку, та
жаются сл
По вече
каждомъ
помѣщенія

простонародья готовится съѣстное въ огромномъ количествѣ подъ открытымъ небомъ и заблаговременно пекутся булки и бублики. Благодаря водяному сообщенію, сюда пріѣзжаютъ съ этою цѣлью даже обитательницы Никополя и продаютъ цѣлыя горы печенаго хлѣба. Во время ярмарки не меньшая дѣятельность и на лѣсныхъ пристаняхъ, гдѣ пріобрѣтаютъ предметы не только первой, но и вопіющей необходимости. Тутъ-то сбывается самый дрянной, никуда негодный лѣсъ, которому безъ ярмарки нѣтъ ходу и здѣсь снова встрѣчаются разныя народности: въ этой суетѣ, съ которою каждый спѣшитъ навалить скорѣе товаръ, — не безъ сценъ и столкновеній. Нѣмецкій фургоны зацѣпился за великорусскую телѣгу, а малорусскій возъ не можетъ разъѣхаться съ татарскою арбою, запряженною верблюдами, и тутъ-то сыпятся выраженія, одно другаго нелѣпѣе, но вмѣстѣ чрезвычайно понятныя и иногда весьма необходимыя для очищенія загроможденной дороги. Даже флегматическій нѣмецъ хорошо выучился ругаться по русски, конечно произнося пныя фразы собственнымъ выговоромъ и коверкая падежи по обычаю.

У квартиры становаго пристава, который представляетъ здѣсь единственное начальственное лицо, сидятъ нѣсколько сотскихъ, отмѣченныхъ мѣдными бляхами, и толпится множество народа съ различными просьбами и жалобами. Просители, смотря по важности дѣла, или допускаются къ аудіенціи блюстителя порядка или ожидаютъ большаго выхода. Рѣшенія происходятъ очень скоро, и нерѣдко иной крестьянинъ въ сопровожденіи двухъ сотскихъ отправляется наискосокъ въ избѣ съ рѣшетчатыми окнами, а другаго тѣ же сотскіе ведутъ, невзирая на сопротивление, въ глубину двора и выполняютъ словесное приказаніе своего начальника. Купцы въ становую квартиру являються передъ ярмаркой и по окончаніи, — первый разъ, какъ говорятъ они, съ нашимъ почтеніемъ, — а второй, поблагодарить за хлѣбъ за соль. Но на ярмарку пріѣзжаютъ и другія власти земской полиціи: исправникъ, непремѣнный заѣдатель и страпчій, которые все болѣе или менѣе имѣютъ вліяніе какъ на ярмарку, такъ и на самаго становаго, хотя послѣдній и распоряжается словно полновластный хозяинъ.

По вечерамъ все мѣстечко кипитъ движеніемъ, потому что въ каждомъ домикѣ и каждой избѣ набито постояльцевъ, и есть помѣщенія, въ окнахъ которыхъ свѣтъ не угасаетъ цѣлую ночь,

гдѣ раздаются веселый говоръ, пѣсни, а иногда и крики, сопровождаемые рукопашнымъ боемъ.

Но Каховка и безъ ярмарки, особенно лѣтомъ, полна народу: на базарѣ ея толпятся чумаки, а на пристани сотни пильщиковъ, которые пѣснями своими оживляютъ весь этотъ берегъ. Здѣсь грузятся суда, весною приходятъ барки и плоты, и съ открытiемъ навигаціи пароходъ начинаетъ свои рейсы въ Бериславъ и обратно подъ начальствомъ флотскаго офицера.

Противъ Каховки на Днѣпрѣ сохранился небольшой островокъ, ежегодно размываемый водою, на которомъ прежде былъ турецкій укрѣпленный городокъ. И теперь еще видны слѣды каменнаго фундамента. Недалеко отъ этого мѣста Конка впадаетъ въ Днѣпръ и снова выходитъ изъ него, — откуда и слѣдуетъ отдѣльно до самаго лимана. Мѣсто по берегу ея называется Таванью, отъ имени когда-то бывшаго здѣсь города Тавани.

Жители Каховки, хотя и принадлежатъ къ земледѣльческому классу, но большая часть ихъ усвоили уже нравы и обычаи мѣщанъ небольшихъ городковъ нашихъ. Женщины почти всѣ ходятъ въ ситцевыхъ платьяхъ и башмаки у нихъ не служатъ только роскошью, но перешли въ необходимость. Пѣсни поются преимущественно солдатскія или тѣ, которыя встрѣчаемъ въ новѣйшихъ пѣсенникахъ. Есть крестьяне зажиточные, да и вообще всѣмъ большимъ подспорьемъ служатъ многочисленные ярмарки.

Слѣдуя изъ Каховки ниже и миновавъ мѣсто, гдѣ первоначально стоялъ этотъ городокъ — лежитъ деревня Британъ, тоже г. Куликовскаго, гдѣ жители занимаются хлѣбопашествомъ. Владѣльческой экономiи принадлежатъ рыбныя ловли.

Немного дальше небольшая помѣщичья деревенька Анисовка, — а за нею верстахъ въ четырехъ по берегу, окруженный садами, стоитъ Корсунскій монастырь, главы котораго видны изъ далека, по какой бы вы дорогѣ ни ѣхали: изъ Каховки, Козачьихъ лагерей, или изъ Маячки, огромнаго казеннаго села, лежащаго въ глубинѣ степи и населеннаго преимущественно великоруссами. Монастырь этотъ былъ основанъ знаменскими старообрядцами и долго служилъ прибѣжищемъ для ихъ иноковъ и старцевъ, которые, какъ говоритъ молва, собирались здѣсь въ большомъ количествѣ. Но въ прошлое царствованіе обитель эта обращена въ православную, книги и утварь переданы въ Знаменку, а монахи, кто хотѣлъ — остаться, перешли въ православіе; кто

же не хотѣлъ отправились по разнымъ скитамъ и пустынямъ. Теперь въ монастырѣ около 40 монаховъ, которымъ именно только жить да Бога хвалить. Земли у нихъ очень много, такъ что, независимо отъ прекраснаго хозяйства, Корсунскій монастырь отдаетъ еще поля свои подъ баштаны (бакши) окрестнымъ жителямъ. Луга и плавни здѣсь превосходные, что даетъ возможность держать скотоводство въ большомъ размѣрѣ, а рыбныя ловли чуть ли не лучшія по всему этому берегу. Монастырь содержитъ рыбачью артель, которую удовлетворяетъ половиной улова. Сады прекрасныя, и начинаютъ съ успѣхомъ разводить виноградники. О садахъ монахи прилагаютъ особенное попеченіе, и раннею весною видѣлъ я больше сотни дѣвушекъ изъ окрестныхъ селеній, которыя постоянно занимаются обработкой довольно хорошей почвы. Община эта пользуется еще со времени Императора Александра I полученіемъ 50,000 пудовъ соли безъ акциза, которую разумѣется продаютъ, потому что подобное количество не можетъ быть потреблено всеми вообще монастырскими жителями. Еще здѣсь есть одна особенность, которую, какъ ни старался, но не могъ я узнать официально — это сословіе монастырскихъ служителей. На какомъ законѣ основано, когда издано постановленіе — не знаю, но мнѣ говорили, что въ монастырь поступаютъ рабочими тѣ изъ окрестныхъ казенныхъ крестьянъ, которые, бывъ на очереди въ рекруты, не могли, по какому нибудь физическому недостатку, поступить въ военную службу. Люди эти переселяются въ монастырь, гдѣ внѣ ограды построены избы, и живутъ пока не выйдетъ узаконенное время. Впрочемъ все рабочіе не жалуются на свою судьбу и говорятъ, что имъ *можно жить*, а это много значитъ на языкѣ простолюдина. Тутъ же внѣ ограды стоитъ гостинница съ нѣсколькими номерами, которыми завѣдуетъ гостинникъ, пожилой послушникъ. Обязанность его состоитъ накормить, напоить и приютить всякаго странника, что и выполняется буквально. Я самъ пользовался этимъ гостепріимствомъ, не предъявляя никакихъ бумагъ и не подвергаясь никакимъ вопросамъ: кто, откуда, чинъ, званіе и т. п. Но видно, братія трапезуютъ прилично, потому что гостинникъ приносилъ мнѣ превосходный борщъ, вкусную кашу, плававшую въ маслѣ, и необыкновенно жирную рыбу; о хлѣбѣ я уже не говорю, какъ о предметѣ, приготовляемомъ въ монастыряхъ въ совершенствѣ. Монахи народъ видный, рослый и поль-

зующійся у купцовъ окрестныхъ городковъ и мѣстечекъ хорошей репутацией. Купцы съ супругами и семействами ѣздить сюда на богомолье и нѣкоторые изъ нихъ усердствуютъ благолѣпно храма. Въ плавнѣ въ лѣсу поставлена небольшая церковь въ родѣ пустыни. Историческихъ рѣдкостей нѣтъ никакихъ, покрайней мѣрѣ такъ сказывала мнѣ архимандритъ, которому конечно извѣстно все относящееся до ввѣренной ему обители.

Ниже, верстахъ въ двѣнадцать или пятнадцать — большое село государственныхъ имуществъ Козачьи Лагери, возникшее въ концѣ прошлаго столѣтія. О названіи этомъ разсказываютъ двояко: одни производятъ его отъ лагеря, которымъ стояли козаки во время крымскаго похода, а другіе говорятъ, что сюда ушли Запорожцы, обманувъ Текелія и сѣли лагеремъ. Старики передавали мнѣ одинъ фактъ изъ жизни первоначальныхъ поселенцевъ, въ справедливости котораго, конечно, ручаться я не могу, но добрые и простые люди говорили о немъ какъ о событіи, не подлежащемъ сомнѣнію. Сначала шель сюда всякій сбродъ и вольные люди, и бѣглые господскіе крестьяне и наконецъ военные дезертиры. Женщины тоже стекались изъ разныхъ мѣстъ, Богъ ихъ знаетъ какого происхожденія. Когда собралось довольно народу обоюгаго пола, осадчій разсудилъ, что не мѣшало бы привести населеніе въ порядокъ, и первымъ стремленіемъ къ этому было — заставить вступать въ бракъ переселенцевъ, жившихъ не весьма законно въ этомъ отношеніи. Для порѣшенія дѣла за однимъ разомъ онъ употребилъ слѣдующую штуку. Созвавъ народъ на площадь, онъ прочелъ приличную рѣчь, подкрѣпивъ ее текстомъ изъ св. писанія: «не подобаетъ быти челоуѣку едину», и посовѣтовалъ жениться какъ можно скорѣе, чѣмъ самымъ формировались бы прочныя хозяйства. Разскачикъ при этомъ замѣтилъ: «Жінки заразъ и обѣзвались!» Совершать сватовство обычнымъ порядкомъ не приходилось; потому что много потребовалось бы времени и легко могли произойти раздоры, и оттого необходимо было дѣйствовать иначе. Конечно въ деревнѣ были люди дѣйствительно женатые еще до переселенія, — но эти не шли въ расчетъ. Отдѣливъ свободныхъ мужчинъ и женщинъ и отозвавъ первыхъ подалѣе, онъ снялъ съ нихъ шапки и перемѣшавъ положилъ въ рядъ, послѣ этого каждой жинѣ велѣлъ выбирать шапку, хозяйнѣ которой и долженствовала быть мужемъ избравшей. При этомъ

происхо-
которыя
на прин
не объѣ
начально
часто п
пока не
вильнаго
Селеніе
повъ хер
этой тр
ствомъ и
лагеряхъ
гаю спис

- 1) Вольны
- 2) „
- 3) „
- 4) „
- 5) „
- 6) „
- 7) „

1) Вольны
2) „
3) „
Кромѣ то
Независи
въ Берисла
судно соста
Козаче-ла
совершенным
и пески прин
ныя поля на
принялись за

происходили интересныя сцены: женщины бросались на шапки, которыя были покрашивѣ, а случалось, что самая лучшая шапка принадлежала уроду! Но дѣлать нечего — суженаго конемъ не объѣдешь. Счастливыя пары вѣнчались въ Алешкахъ. Первоначально эти браки были однакоже не совѣмъ крѣпки: очень часто происходили самовольные разводы, мѣны женами и т. п., пока не выстроилась церковь и дѣло не приняло болѣе правильнаго порядка.

Селеніе служить пунктомъ погрузки крымской соли для купцовъ херсонскихъ, николаевскихъ и вознесенскихъ. Вслѣдствіе этой торговли мѣстные крестьяне начали заниматься судоходствомъ и судостроеніемъ. Въ настоящее время въ Козачьихъ лагеряхъ 7 мореходныхъ лодокъ (требакъ) и три дуба. Прилагаю списокъ.

Лодки.

Количество груза.

1)	Вольный штурманъ	Константинъ Масловскій.	900	четвер.
2)	»	» Кондрать Ильинъ.	800	»
3)	»	» Улянь Кудась.	600	»
4)	»	» Ѳедоръ Кушниръ.	600	»
5)	»	» Ѳедоръ Кудась.	500	»
6)	»	» Игнатъ Бондаренко.	450	»
7)	»	» Василій Жолуденко.	450	»

Дубы.

1)	Вольный штурманъ	Савва Ѳедоровъ.	300	»
2)	»	» Порфеній Степановскій.	300	»
3)	»	» Харитонъ Кровченко.	260	»

Кромѣ того еще строятся три лодки.

Независимо отъ перевозки соли, судохозяева ищутъ фракту въ Бериславѣ, Херсонѣ, Николаевѣ и Вознесенскѣ. Порядочное судно составляетъ хорошій заработокъ.

Козаче-лагерскіе крестьяне стѣняются недостаткомъ земли и совершеннымъ отсутствіемъ плавни. Почва у нихъ весьма песчаная, и пески приняли такой характеръ, что не рѣдко засыпаютъ удобныя поля на большое пространство. Въ послѣднее время впрочемъ принялись за посадку красной лозы, которая, укрѣпляя почву, не

допускаетъ пески засыпать окрестность. Относительно плавень идетъ дѣло. Помѣщики правой стороны Днѣпра (Херсон. губ.) захватили поемныя луга, и какъ козачелагерцы протестовали, а помѣщики не могутъ представить плановъ,—то дѣло и ведется такимъ образомъ, что трудно добиться настоящаго смысла. Лѣса однакоже до рѣшенія взяты подъ казенной присмотръ (такъ мнѣ рассказывали), и любопытнѣе всего, что сами же козачелагерцы должны беречь ихъ, а помѣщики, по ихъ словамъ, не стѣняются и рубятъ словно свою собственность. Это я слышалъ въ 1858 и настоящемъ году, и видѣлъ весною въ Херсонѣ козачелагерскихъ повѣренныхъ, которые, кланяясь, вездѣ просили, чтобъ имъ хоть сказали—гдѣ же находится ихъ дѣло. Они жаловались всюду и гдѣ только можно, посылали прошеніе въ Петербургъ, и изъ министерства, говорятъ, предписано таврической палатѣ снестись съ херсонскою по этому предмету. Старики просили моего содѣйствія, но я ровно ничего не могъ сдѣлать, и какъ ни сильно было мое любопытство, однакоже ничего не могъ я узнать положительно. Въ то время губернаторъ былъ очень болѣнъ и вскорѣ умеръ; мнѣ указала надобность выѣхать изъ Херсона и я не знаю съ чѣмъ возвратились ходатаи, которымъ процессъ уже стоитъ не мало. Дѣло понятно, что бѣдняки правы. Граница обѣихъ губерній по срединѣ Днѣпра,—слѣдовательно какимъ же образомъ жители праваго берега владѣютъ плавнями на лѣвомъ по самую Конку, которая притомъ уже съ лѣвой стороны! Кажется, что въ заключеніе всего козачелагерцамъ придется вѣдаться формою суда—обстоятельство весьма обыкновенное, но вмѣстѣ подающее надежду объ окончаніи процесса развѣ въ будущемъ поколѣніи.

АЛЕШКИ. ИСТОРИЯ
ХЕРСОНСКОГО СУДОХОДСТВА
ГОЛАЯ ПРИСТАНИЩА
ДУВОВЫЯ РОЩИ.
БЫТЬ ЖИТЕЛИ. К.

Откуда н
водою, взор
который, ка
открыть ему
денницей уѣз
потому что
сосредоточен
сто это на
на—чужаго
Впрочемъ
древности п
гордятся др
далекомъ ра
щими въ во
комаго стол
ности Алешки
Одесскій кал
Олешья, то
чаю, потоло
ницъ ученый
несли сюда
гласитъ пре
въ составъ
за Лѣсъ бра